

Валерий Киселёв

*245-й...
Исповедь
полка*

Первая чеченская кампания. Книга 2-я

Валерий Киселёв

**245-й... Исповедь полка. Первая
чеченская кампания. Книга 2-я**

«Издательские решения»

Киселёв В. П.

245-й... Исповедь полка. Первая чеченская кампания. Книга 2-я /
В. П. Киселёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907396-9

В конце декабря 1994 года 245-й гвардейский мотострелковый полк получил директиву Генштаба о переброске в Чечню. В полку было всего 170 человек... В считанные дни полк был развернут до штатной численности. Эта книга о том, что пережили и как воевали в Чечне солдаты всего лишь одного из полков Российской армии. Полк вел боевые действия под Грозным, освобождал от бандформирований Ведено и Шатой, а трагедия колонны полка под селением Ярышмарды 16 апреля 1996-го стала известна всей России.

ISBN 978-5-44-907396-9

© Киселёв В. П.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1-Я: «ФЛАГ НАД ВЕДЕНО!»	7
«ИЗ ЯЩИКОВ КРОВЬ ТЕЧЕТ...»	9
«А ВЕЧЕРОМ БЫЛ САЛЮТ...»	11
«КАК ТАМ, СЫНОК, ТЯЖЕЛО?»	12
«ПОКА В ГОРЫ НЕ СХОДИМ – НЕ ЗАМЕНЮСЬ...»	13
«ВОЙНУ РУССКИЙ СОЛДАТ И ШТЫК-НОЖОМ ВЫИГРАЕТ...»	14
«ДЕМБЕЛЬ ДОЛЖЕН БЫЛ НАГРЯНУТЬ...»	15
«ОКРУЖИЛИ НАС СО ВСЕХ СТОРОН...»	16
«СКАЗАТЬ „НЕТ“ НЕ МОГУ...»	17
«НЕ К ДОБРУ...»	18
«ЭТО ОНИ ТАКТИКУ ОТРАБАТЫВАЮТ...»	20
«В БАТАЛЬОНЕ НАС СМЕРТНИКАМИ ПРОЗВАЛИ...»	21
«ТОЛКНУЛИ – ПОЕХАЛ...»	23
«ВСЕ ТРЕВОЖНЕЕ НА ДУШЕ...»	24
«СНИЛОСЬ, ЧТО БУДУТ БОЛЬШИЕ ПОТЕРИ...»	25
«В ОЖИДАНИИ НЕИЗБЕЖНОГО И СТРАШНОГО...»	26
«МЫ ПАРУ СЕКУНД СМОТРЕЛИ ДРУГ НА ДРУГА...»	27
«СТРАШНО, ВОТ И НАПИЛИСЬ...»	29
«ТЕМНОТА БЫЛА КРОМЕШНАЯ...»	30
«ДАВАЙТЕ СДЕЛАЕМ ПЛОВ...»	31
«С КАЖДОЙ СТОРОНЫ ОПАСНОСТЬ...»	32
«ЛЕЖИМ, КАК НА ВИТРИНЕ МАГАЗИНА...»	33
«ЧУВСТВО НАДВИГАЮЩЕЙСЯ ОПАСНОСТИ ОТСУТСТВОВАЛО...»	34
«ДВЕ ПУЛИ ПОПАЛИ В ЖИВОТ...»	37
«СПАСИБО ТЁЩЕ: КАЖДЫЙ ДЕНЬ СТАВИЛА СВЕЧКУ ЗА ЗДРАВЬЕ...»	38
«ТЫ ЗДЕСЬ ДАВНО, А Я ТОЛЬКО ПРИЕХАЛ...»	39
«НЕУПРАВЛЯЕМЫЙ ПРОЦЕСС ПОШЕЛ...»	40
«МОЖЕТ, ОСТАНОВИМСЯ, А ТО ВРОДЕ КАК БОЙ ИДЕТ?».	41
«ДАЖЕ СТОЯТЬ НЕ МОГУТ, НЕ ТО, ЧТО ИДТИ КУДА- ТО...»	42
«ПОШЛИ РЕБЯТА НА ВЕРНУЮ ГИБЕЛЬ...»	43
«ВОТ ДОРОГА, ТАМ ВАС ВСТРЕТЯТ...»	45
«Я БЫ ИСТЕК КРОВЬЮ ЗА НЕСКОЛЬКО МИНУТ...»	46
«ТАК НЕ ХОТЕЛОСЬ УМИРАТЬ...»	47
«КТО-ТО В МЕШКЕ ШЕВЕЛИТСЯ...»	48
«А ПРОИЗОШЛО СЛЕДУЮЩЕЕ...»	49
«НИ НАВЫКОВ, НИ ОПЫТА, НИ ПОДГОТОВКИ...»	50
«ЗАШЛИ В ДОМ И НЕ ВЫШЛИ...»	51
«ЧЕЧЕНСКИЙ ТАНК СТРЕЛЯЕТ...»	52
«МАМА, Я ЖИТЬ ХОЧУ...»	53
«ПАНИКА НАЧИНАЕТ РАЗРАСТАТЬСЯ...»	54
«НАШИ ЖЕ БАЛБЕСЫ...»	55
«ЕСТЬ АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ...»	56

«НО СКОСИЛА МЕНЯ В ГРУДЬ АВТОМАТА ОЧЕРЕДЬ...»	57
«РОДИНА ОТБЛАГОДАРИЛА...»	58
«РВАННЫЕ САПОГИ, И НИ РУБЛЯ В КАРМАНЕ...»	59
«В ПОЗВОНОЧНИКЕ ПУЛЯ ОСТАЛАСЬ...»	61
«ГОРЬКИЙ УРОК БЫЛ УЧТЁН...»	64
«ДЕСЯТЬ КИЛОМЕТРОВ ШЛИ ПОЧТИ СУТКИ...»	65
«КОМАНДИР ПРИКАЗАЛ: «СРОЧНО ТУДА!»	66
«МЫ ЛЕТЕЛИ ПО УЩЕЛЬЮ...»	67
«СНЯЛ „МУХУ“, ПРИЦЕЛИЛСЯ – ЕСТЬ!»	68
«СНАЧАЛА ШЛИ, КАК НА ПАРАДЕ...»	69
«КАК В КИНО, С ПЕСНЯМИ...»	70
«ПУЛИ КАК ГОРОХ ПО БРОНЕ...»	72
«НАС ПОДГОНЯЛО КОМАНДОВАНИЕ...»	73
«МЕНЯ В ГРУДЬ УБИЛО!»	74
«ВСЁ ГЛАДКО ПРОШЛО...»	76
«ФЛАГ НАД ВЕДЕНО ПОСТАВИЛ ЗВЯГИН...»	77
«НА КАЖДОМ ДОМЕ НАРИСОВАТЬ ЗНАК ПОЛКА...»	78
«ДАВАЙТЕ НАИБОЛЕЕ ОТЛИЧИВШИХСЯ...»	79
«НУ, БАБАХНУЛО И БАБАХНУЛО...»	80
«НАШЛИ СКЛАД С МИНАМИ В ШКОЛЕ...»	81
«ВОТ И ПРОГУЛЯЛИСЬ...»	82
«КТО ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛИТ, ТОТ И ЖИВ...»	83
«МНЕ ХОТЕЛОСЬ ПРИДУШИТЬ ЕГО...»	84
«ДУМАЙТЕ САМИ, ЧТО К ЧЕМУ...»	85
«КОЛЯ, ДАВАЙ, ГЕРОЯ ОТРАБАТЫВАЙ...»	86
ГЛАВА 2-Я: «ДАЕШЬ ШАТОЙ!»	88
«ЖДАЛИ КОМАНДЫ...»	89
«...А У ВАС НЕИЗВЕСТНОСТЬ...»	90
«НЕЛЬЗЯ ИХ СРАЗУ В ПЕКЛО...»	91
«ЧЕХИ» НАС УЖЕ ПАСЛИ...»	92
«ВЫ ИДЁТЕ, КАК ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЁВР...»	93
«НУ, ДУМАЮ, КОНЕЦ НАМ...»	94
«ЗАДАЧА: ДОЙТИ ДО МОСТА...»	96
«ОТДЕЛАЛИСЬ ЛЁГКИМ ИСПУГОМ...»	97
«ОТКУДА СТРЕЛЯЛИ „ДУХИ“ – НЕ ВИДНО...»	98
«РУКУ МНЕ ПОРВАЛО, А ДОЛЖНО БЫЛО СЕРДЦЕ...»	99
«ЭТО ЖЕ ПУЛИ ИСКРЯТ!»	100
«ЕСЛИ ШЛЁПНУТ, ЗНАЧИТ ШЛЁПНУТ...»	101
«УЙТИ МЫ НЕ МОГЛИ...»	103
«МЫ ИГРАЛИ РОЛИ МИШЕНЕЙ...»	104
«ВСЁ ГОРИТ, ПУЛИ ЛЕТАЮТ...»	105
«Я БЫЛ ВЕСЬ В КРОВИ, КАК МЯСНИК...»	106
«ПОД РАССТРЕЛ ПО КЛАССИЧЕСКОЙ СХЕМЕ...»	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

245-й... Исповедь полка Первая чеченская кампания. Книга 2-я

Валерий Павлович Киселёв

© Валерий Павлович Киселёв, 2018

ISBN 978-5-4490-7396-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1-Я: «ФЛАГ НАД ВЕДЕНО!»

К концу апреля 1995 года в штабе группировки российских войск в Чечне завершалось планирование очередного этапа уничтожения бандформирований.

По полковым документам того периода чувствуется, что и штабы, и войска действуют все более профессионально.

Из журнала боевых действий:

27 апреля. Боевые действия не велись. Положение подразделений полка не изменилось. 26 апреля командир полка был сориентирован на ведение боевых действий в направлении Старые Атаги – Дуба-Юрт – Советское (Шатой), вдоль реки Аргун. Задача первых суток захватить рубеж Чишки – Дачу-Борзой, конечная задача – выйти в район Советское. Командир полка в 9:00 27 апреля отдал указания о подготовке к предстоящим действиям. Начальник штаба – организовать инженерную разведку маршрута вдоль Аргунского канала, подать 28 апреля заявку на аэрофотосъемку Аргунского ущелья с дешифровкой снимков. Снимки получить до 1 мая. К исходу 29 апреля получить топографические карты предстоящего района боевых действий, до 7 мая подготовить макет местности на всю глубину задачи, организовать подготовку средств связи, составить расчет сил и средств для создания сети ретрансляторов.

ЗКПВ (зам. командира полка по воспитательной работе – **авт.**) поставлена задача организовать в батальонах и отдельных ротах занятия по физической подготовке для восстановления выносливости.

В 12.20 после работы в районе водопада произошел подрыв ПТМ. Ст. л-т Паникар В. Ю. получил тяжелое ранение в ногу, сержант Кочкин – ранение в мягкие ткани ног.

Александр Коннов:

– С утра командир полка подполковник Морозов поставил задачу прочесать окраину лесного массива «Черноречье». С пехотой работала группа саперов под командованием старшего лейтенанта Мерзлякова. Напоролись на «духовские» растяжки, тогда и был тяжело ранен старший лейтенант Паникар. Ему оторвало ноги... Прекрасный был офицер, и человек... Я забрал его документы, говорю: «Выживешь, все будет нормально...» Его отправили в госпиталь, на следующий день зам. командира полка по воспитательной работе подполковник Гришин приехал и сказал: «Паникар скончался...» Было искренне жаль этого мужественного офицера.

Какими они были...

Владислав Паникар, командир инженерно-технического взвода инженерно-саперной роты. Родился 24 октября 1968 года во Владикавказе. В 1991 году окончил Калининградское высшее инженерное училище. В 245-м полку начал служить в Германии.

Игорь Бабанин, старший помощник начальника штаба полка по кадрам и строевой части, старший лейтенант:

– 27 апреля 1995-го в тылу полка по просьбе местных жителей, в связи с началом весеннего сева, разминировали район в окрестностях села Гойты. В последний момент Влад заметил бандитскую растяжку, и за секунду до взрыва бросился на своего подчиненного солдата, который не заметил гранату, закрыл его своим телом и был тяжело ранен. Влад Паникар уезжал от нас после ранения живой и в сознании, очень переживал, что получил ранение и подвел командира полка. Коля Тимко, после того, как вернулся из госпиталя, где готовил Влада к отправке, приехал и рассказал, что его тело было без ног. Хотя наши медики, когда отправляли его в госпиталь, мне сказали, что жить будет, положение тяжелое, но стабильное, болевой шок сняли. Все усилия медиков были напрасны... Через день после ранения он умер. Переживали мы очень тяжело... Он был первый погибший офицер из костяка полка, мы с ним вместе пришли...

За день до своего смертельного ранения Влад получил свою первую награду – орден Мужества. Капитанские погоны он одеть не успел...

Можно много говорить о тех прекрасных качествах, которыми обладал Влад, но я могу смело сказать, что из всех выпускников военных училищ 1991 года, прибывших в полк, лейтенант Паникар Владислав Юрьевич как человек и как офицер был лучшим из нас.

Вторым орденом Мужества капитан Владислав Паникар награжден посмертно.

«ИЗ ЯЩИКОВ КРОВЬ ТЕЧЕТ...»

Валентина Решеткина, председатель комитета солдатских матерей Хабаровского края:

– Тридцатого апреля 1995 года мы прилетели на ИЛ-76 на военный аэродром Моздока, но произошел какой-то сбой: представители из полка нас не встретили. Самолет под завязку был загружен гуманитарным грузом, и я пошла на базу договариваться, чтобы разгрузить и складировать груз на хранение до отправки под Гойское, там стоял в то время 245-й полк. Возвращаюсь обратно, смотрю, а наш груз уже на обочине летного поля. Мой заместитель по организации подошла и сказала: «Там сидели какие-то бородатые мужчины, я к ним подошла и говорю: „Сынки, помогите разгрузить самолет“, они и помогли, только попросили у меня рыбки копченой, уж очень вкусный запах она издавала из мешков». А еще мой зам. мне говорит: «Там какой-то мужик груз носит, а на ящиках написано 245-й полк, на посылках – в/ч 62892, он читает и говорит, что не поймет, почему на них написана его часть». Я ее попросила показать того мужичка, и это оказался командир 245-го полка полковник Морозов.

Мы подошли, разговорились, объяснили, что опять в полк летим. Полковник Морозов нам сказал, что ему никто о нас не доложил, иначе он бы встретил, машины прислал. Мы его успокоили: «За нами через час прилетят вертолеты, и мы сразу в полк». Он тогда летел в Москву, сказал: «Подлечить сердце...»

Вскоре за нами прилетели три вертолета, которые доставили из полка «груз-200». Мои женщины, как увидели эту картину – из ящиков кровь течет! – все в плач, стон стоит, едва их успокоила. Подошла пожарная машина, водой из шланга бетон аэродрома помыли, а кровь стоит, с водой перемешанная...

В полк мы прилетели к вечеру. Груз сложили в медицинской палатке и в огороженном сеткой дворике рядом со штабом. Штаб стоял у канала, мы разместились рядом в клубной машине. С нами в полк прилетел отец военнослужащего, призванного из Хабаровского района, Шильников. Он сразу уехал к сыну на позиции и остался с ним до конца его службы.

Вечером мы спланировали, как будем развозить груз, с кого начнем. Свой груз забрал командир второго батальона, а утром слышим крик, выходим и услышали разговор. Командир пятой роты, кажется, знаю, что он был молдаванин по национальности, кричал, что его роту, как всегда обделили и им ничего не достанется. На наши слова, что мы еще никому не вручали подарки, только командир второго батальона забрал, так как вечером приезжал в штаб. В итоге мой заместитель Ольга Александровна Новичкова, собрав все посылки, письма и подарки, мешки с гуманитаркой повезла их в пятую роту. Другие уехали к артиллеристам. Так мы ездили по подразделениям в течение недели.

Однажды вечером нас пригласили ребята из роты материального обеспечения. Мы собрали подарки, особенно ценилась наша копченая кета. Ну, и соленая, конечно. Было очень интересно смотреть на наш стол. Ребята из сгущенки и печенья, которое мы привезли, сделали огромный торт, выложенный в виде сердца, а вокруг рыба, кружки с чаем. Потом подошли к столу прапорщики, офицеры, и мы очень долго сидели у этого гостеприимного стола. Разошлись все за полночь.

В один из дней, помню, собрались во дворике рядом со штабом командир, его заместители, начальник штаба и командиры батальонов и рот. Подполковник Коннов рассказывал, как летал в ущелье с генералами, что объяснял им, если они пойдут через ущелье, то положат много народу, лучше обойти. Говорил, что чеченцы приходили и говорили им, что в ущелье их будет ждать засада. Одного из таких посланцев мы видели на территории штаба. Он еще спросил, что здесь делают женщины. Ему ответили, и он посмотрел на нас с пренебрежением. Наверное, потому, что мы поддерживали морально своих солдат. Да, мы были против войны,

но бросить своих солдат не могли. Мы видели, что их бросило государство, но народ помнил о них всегда. В то время для себя я уже решила, что буду делать для этих людей все, что от меня зависит. Объединить семьи погибших, оказывать им моральную и материальную поддержку, объединить участников боевых действий и помочь им в создании своей общественной организации. Надо было и создать Книгу памяти погибших, решить вопрос по установлению памятника погибшим военнослужащим.

Когда мы прилетели в полк, нас поселили в клубной машине, ее нам предоставили офицеры. Зашли, а там – такой кавардак... Под нарами, на которых спали офицеры, валялись носки. Мы насчитали их пар пятьдесят. Перестирали их, высушили и сложили стопочкой. Нас не было сутки, уезжали по делам. Приезжаем, а под нарами еще столько же носков. Мой заместитель мне говорит: «Готовьтесь, после каждого такого отъезда они нам еще пар по сто будут носить, пока полк не обстираем – не уедем». Мы посмеялись и пошли стирать носки, а они были до того заношены, что хоть ставь...

Первого мая приехали на БМП наши ребята из пятой роты, саперы, из первого батальона, ремроты. Смотрю – у всех лица умытые, крем за ушами, а вот шеи – хоть гречиху сажай. Спрашиваю: «Что так наподадились?» – «А нам сказали вчера, что комитет из Хабаровска приехал, мы сразу поняли, что вы, а к Валентине Васильевне нужно идти чистыми»

Один солдат был из ремроты – Стас Пелявье, парень с Чукотки, черненький такой. Кличка у него была – «Француз». Мы их угощаем, стол им накрыли, и они нам приготовили угощение – плов. Женщины мои плов едят, нахваливают и меня приглашают, я смотрю на ребят, они на меня и вижу какой-то подвох. Отвожу в сторонку Лёшу Нагуманова и спрашиваю: «Ну, рассказывай, что придумали? Ужиками, наверное, решили накормить?». – «Нет, змей уже всех съели, остались лягушки. Вас не обманешь, вы нас насквозь видите».

Нам сказали, что если будет обстрел, нужно срочно ложиться на землю. Идем с председателем комитета Приморского края, слышим команду «Ложись!». А мы посреди лужи. Она, как шла, так и легла в лужу, а я стою, понять не могу, что с ней: никто же не стрелял...

Спали в одной из палаток, нам двух солдат дали, чтобы по очереди печку топили. Мы им еды наложили и они, конечно, наевшись, забыли о своих опекаемых, и спать завалились. Слышу, как Валентина Петровна Дерезова, председатель комитета Приморского края, что-то бурчит. Просыпаюсь, в палатке холод, солдаты спят. Она вылезла из спальника, и на улицу, я за ней. Валентина Петровна схватила топор и давай дрова колоть. Солдат подскочил к ней и кричит: «Пароль!» – «Сынок, иди отсюда, дай дров наколоть, иначе наша охрана замерзнет: они без спальников на досках уснули...»

Из журнала боевых действий:

4 мая. В 22.15 на район расположения артдивизиона с лесопосадки было совершено нападение боевиков в количестве до 50 человек. Бой длился 20 минут. Нападение было отражено. С нашей стороны потерь в живой силе и технике нет. Потери боевиков уточняются, т.к. прочесывание участка боевых действий не проводилось.

6 мая. Боевые действия со стороны противника не велись. Положение и состав подразделений полка не изменилось. Зам. командующего ОГВ в ЧР уточнена задача 245 мсп: совершить выдвижение одной колонной в направлении Атаги – Дачу-Борзой – Ярышмарды – М. Варанды и захватить рубеж отметки 862,0. Выдвижение полка на рубеж ввода в бой обеспечивает усиленный батальон ВДВ и 324-й мсп.

245-й мсп при поддержке дивизиона «Нона», дивизиона реактивной артиллерии, используя результаты артогня нанести поражение противнику в М. Варанды в последующем во взаимодействии и к исходу Д-12 занять район Б. Варанды.

Еще одна судьба мальчишки-солдата...

«А ВЕЧЕРОМ БЫЛ САЛЮТ...»

Иван Н., стрелок, младший сержант:

– Девятого мая нас построили, поздравили с наступившим праздником и сказали, чтобы было все по уму и без дури. Но все получилось наоборот. Как мне рассказывал наводчик по прозвищу «Череп», парень-наркоман, Сергей Попов пошел к своему знакомому в первый батальон, где укололся промедолом и буквально сразу после построения вернулся к себе в палатку. Там ждал его второй друг, и тоже наркоман. Между ними произошла ссора, из-за того, что Попов не взял его с собой и не принес ему промедола. В палатке пацан схватил чей-то автомат, и стрельнул Попову в живот. Когда его везли на МТЛБ, я видел это сам, то санитары вкололи ему еще пару доз промедола. Потом нам командир роты сказал, что он умер от передоза, так как санитары не знали, что он уже был уколот.

А вечером был салют в честь Дня Победы, от горизонта до горизонта велась стрельба из всего, что было...

Какими они были...

Сергей Попов, рядовой.

Родился в Хабаровске 3 августа 1975 года. Окончив 9 классов, поступил в СПТУ №22 и одновременно на курсы водителей. После училища несколько месяцев успел поработать водителем в транспортной конторе связи. 7 июля 1994 года призван в армию. В 245-м мотострелковом полку служил в 4-й роте 2-го батальона.

В первые недели в Мулино, куда он прибыл 4 января 1995 года, рядовой Попов заболел пневмонией, попал в госпиталь. Родителям, чтобы не огорчать их, об этом не писал. Встревоженный долгим молчанием сына, его отец поехал на поиски в Чечню. Подключились к этому и женщины комитета солдатских матерей.

Но вот пришла, наконец, весточка от Сергея. Он писал родным, что лежал в госпитале, а теперь у него все в порядке. «Неужели вы могли поверить, что я в бегах? Не верьте этому, я честно выполняю свой воинский долг в Чечне».

Награжден орденом Мужества, посмертно.

«КАК ТАМ, СЫНОК, ТЯЖЕЛО?»

Эдуард Лопухов, начальник радиостанции Р-161 узла связи полка, прапорщик:

– Два-три раза в неделю я на БТР полковника Морозова возил в Ханкалу боевые донесения. Перед девятым мая Паша Смирнов, наш водитель, где-то достал стиральную машину. Я выстирал форму, весь такой наглаженный, вкусно пахнувший одеколоном и вчерашним перегаром – красавец мужчина! И меня вызывают в штаб полка: «С донесением ехать!».

Прыгнули, поехали. Дежурный по штабу группировки, майор, сидит – засаленный, небритый, меня по-отечески спрашивает: «Как там, сынок, тяжело?» – «Никак нет! Все нормально, хорошо!» Стою перед ним, весь такой бравый, думаю, может быть, он еще Грозный брал. – «Давно тут?» – спрашивает. – «Нет, не очень». Он потягивается – «А я так уже устал...» Я робко спрашиваю: «А вы, товарищ майор, давно тут?» – «Да, сынок, скоро месяц...» Это меня убило: мы уже пятый месяц, и ничего...

«ПОКА В ГОРЫ НЕ СХОДИМ – НЕ ЗАМЕНЮСЬ...»

Вадим Лященко, начальник связи полка, майор:

– Перед тем как в горы собрались, начал думать, как связь в горах качать. С нашими средствами, особенно переносными, сильно не разгонишься. Тогда и придумал так называемые «подвижные ретрансляторы». На крепкого радиста одевался специальный станок-ранец, на который крепились две радиостанции разных диапазонов КВ и УКВ. Смысл в том, что радист, находясь как можно ближе к воюющему подразделению, получает сообщения на УКВ полковой частоте, и если командир не слышит, то дублирует в КВ диапазоне, так как он намного лучше работает в горах. Подобная схема была сделана на командно-штабных машинах. Естественно, чтобы всё это работало – тренировал бойцов вместе с Брониславом Волковым, командиром роты связи, до автоматизма и изнеможения. Но Бронислав так в горы и не попал, да и слава Богу. Ему замена пришла, да и не только ему – старшине роты, технику. Весь костяк роты сменился. Мне тоже заменщик пришёл, Сергей Досягаев, майор, классный, из нашей дивизии. Как связист – очень хороший.

Я тогда командиру полка сказал, что пока в горы не сходим – не заменюсь. Да и не мог я командира и весь полк перед серьёзными операциями с необстрелянными связистами оставить. Договорились с Серёгой Досягаевым, что он всю роту связи на себя возьмёт, я так полковой связью в горах и буду рулить, а он по ходу в курс дела и в нюансы вникнет.

«ВОЙНУ РУССКИЙ СОЛДАТ И ШТЫК-НОЖОМ ВЫИГРАЕТ...»

Александр Корнаков, контрактник, рядовой:

– В первых числах мая в полк прибыло пополнение срочников из Иванова. Ребята были в парадной форме, музыканты. Рассказали, что ехали на парад в Москву, а очутились в Чечне.

Девятого мая в полку был салют. Стреляли в воздух из всего, даже пушек БМП. Командование группировки подарило по маленькому приемнику на отделение.

Праздник прошел, начали готовиться к выходу в горы. Много бегали. У солдат забрали подствольники, потому что были случаи обмена их «чехам» на водку, сигареты, камуфляж. Потом все же выдали по одному на отделение. У нас в отделении подствольник дали наводчику БМП. Не понимаю логику командиров. Тогда надо было не только подствольники забрать, но и автоматы, а вдруг продадим. А войну русский солдат и со штык-ножом выиграет...

Если бы солдаты и офицеры хотя бы частично обеспечивались денежным довольствием, они могли бы сами купить на том же рынке в Грозном или другом городе и сигареты, и камуфляж, и берцы. Я не обвиняю всю армию. Виновата система.

Мы разговаривали с чеченами по рации, они говорили: «Пропустите нас, мы вас не тро-нем. Будем мочить только вэвэшников и ментов». Почему? Потому что федералы занимают населенный пункт, потом уходят, а на смену им приходят вэвэшники и менты. Поэтому у них у всех водка, сигареты с фильтром, новый камуфляж, берцы, разгрузки и деньги. А мы, феде-ралы, идем дальше готовить им плацдарм для работы.

«ДЕМБЕЛЬ ДОЛЖЕН БЫЛ НАГРЯНУТЬ...»

«Гранит-60», механик-водитель БМП-2 6-й мотострелковой роты, сержант:

– Снова марш. На этот раз ехали долго, нас перебрасывали под Шали. Начали подготовку в походе в горы. Бегали марш-броски, пару раз ездили к какому-то городку, на огневую подготовку.

Я начал готовить себе механика на замену, поскольку дембель должен был вот-вот нагряться. Так и произошло. В один из дней меня вызвал на КП командир роты капитан Шашкин и объявил, что машина меня уже ждет. На сбор вещей и прощание с моими боевыми друзьями у меня было минут десять. Вещей у меня особых не было, из ценностей только парашют от осветительной ракеты, где мои парни оставили свои автографы на память. Обнялся с парнями и – к машине. А дальше – дорога, Ханкала, вертолет, Моздок, ИЛ-76, и я – дома. Был конец мая 1995-го.

О том, что происходило дальше, следил по скудным новостям и редким письмам своих боевых друзей.

Мой друг наводчик Юрий Владимирович Емелин погиб в Шатое 14 декабря 1995 года. Как писали парни, в тот день «духи» взяли в плен наш блокпост в Шатое, и несколько групп на броне выехали им на выручку. Моя «бэха» в тот момент была не на ходу, поэтому Емеля поехал на чужой машине. Парни писали, что его «бэху» «духи» подожгли посреди Шатоя, и он сгорел. К сожалению, никакой более точной информации, как он погиб, у меня нет. Гранатометчик Женька был ранен в одной из перестрелок, остальные – Ромка – «снайпер», «Чаба», сменщик мой, «Грек» все вернулись домой в начале 1996-го. Витька Балякин попал в плен при захвате блокпоста 14 декабря.

«ОКРУЖИЛИ НАС СО ВСЕХ СТОРОН...»

Вадим Рикун, зам. командира взвода, контрактник:

– Как-то пацаны пришли и сказали, что в батальоне набирают людей в разведку. Я пошел туда. Приняли. Через некоторое время стал зам. комвзвода штурмовой разведки. Позывной – «Шатер». В наши задачи входила зачистка деревень, прокладывание новых дорог для перехода рот по горам. Иногда выставляли по горам блокпосты из десантников. Хотя это десантом не назовешь.

Мы брали только самое необходимое. Кто хотел, ходил без бронежилетов. А эти десантники, пацаны, их нагружали разным хламом. Вплоть до валенок и шапок. Как говорится, все свое ношу с собой. Было жаль их. Я подошел к их ротным: «Вы бы сняли лишнее с пацанов. Они же не дойдут». Мне ответили: «Нам приказали, и точка».

Так как воевать с такой обузой было не резон, мы старались обходить всех боевиков. Вроде дошли без потерь. По-моему, это начало операции, когда мы пошли на Ведено. Наша задача была – проложить маршрут по горам в обход ущелья. Мы тогда шли под прикрытием авиации. С нами был корректировщик, которого «духи» постоянно пытались захватить. Помню, на какой-то высоте отбивались всю ночь. Встать не давали. Окружили нас со всех сторон. Авиация еще помогла. Дали одни координаты, чтобы они подсветили немного, а они над нами гирлянду повесили. Я приказал тогда накрыться всем плащ-палатками и стараться отстреливаться подствольником и гранатами. А то из автомата огонь видно при стрельбе. Вот и отбивались...

К утру решили прорываться к своим, по туману. Прорвались. Хорошо, что нам давали таблетки. Пьешь их, и ни усталости, ни голода, и спать не хотелось. Но когда возвращались с задания, то кто соль ложками ел, кто сахар.

Одного срочника у нас тогда убили, и двое раненых было.

Потом оказалось, что все зря. Полк пошел по ущелью...

«СКАЗАТЬ „НЕТ“ НЕ МОГУ...»

Юрий Степаненко, командир 2-го мотострелкового батальона, майор:

– Стоим между Комсомольским и Алхазурово. Уже майские праздники начинаются, и командир полка говорит: «Ну что, Степаненко, поехали домой, я вроде с заменой тебя договорился. Я и так тебя задержал на три месяца». Оформили десять дней отпуска. Прилетели домой. Я с только что полученным первым орденом «За военные заслуги». Это когда БМП пятой роты на минном поле подорвалось, я ее эвакуировал. Дня три-четыре с семьей пожил. Морозов звонит, а он в соседнем подъезде жил: «Зайди ко мне». Я захожу. – «Нашел я тебе замену, Юрка» – «Вот и хорошо, отдохну». – «Нет, десятого мая выезжаем, только ты назначаешься комбатом». У меня так руки и опустились. – «Побыл ты замом по вооружению, хватит, послужил, теперь надо комбатом поработать. Цуркан в академию поступает». Что делать? Сказать «нет» не могу, не так воспитан. Домой прихожу, жене сказал, что поеду, повоюю комбатом.

Десятого мая – в Москву. Сели с Морозовым в самолет, а там генерал Булгаков, он был командиром 166-й бригады. В самолете два салона. Первый – общий, а второй, с диванами, генеральский. Я пошел в общий, Морозов мне: «Со мной». Генерал мне: «Сибиряк, сюда, садись». Сели втроем. Взлетели. Достали. Выпили. Летчиков угостили. Один командир экипажа не пил: «Мне машину сажать, я не буду!» Штурман, второй пилот – с нами: «Мы трезвыми боимся летать, вдруг сломаемся, а пьяными все равно, летишь и летишь». Прилетаем в Грозный, сели на «Северный». В вертушку пересели и сразу на Комсомольское, в полк. Цуркан спрашивает: «Ты что приехал-то?». – «Тебя менять!» – «А я, Юра, думал, что тебя и не увидим...» Он собрался, улетел.

Стал принимать дела. Четыре человека из управления батальона уехали: комбат, начштаба, помощник комбата по артиллерии, и замполит. Со мной остался зам. комбата капитан Звягин, меня в курс дела ввести. Ни зама по вооружению, ни замполита, ни начштаба нет. Но ротные и взводные были все.

«НЕ К ДОБРУ...»

Александр Коннов:

– Командир полка уехал в отпуск, я остался за него. Взамен откомандированного подполковника Сергея Чепусова начальником штаба стал подполковник Иван Бувальцев. Получаем задачу: готовиться к боевым действиям в направлении Дачу-Борзой – Шатой. Спрашиваю местных жителей, как туда идти. – «Если вы пойдете на Шатой, вас запрут на этой дороге и расстреляют, как собак. Дорога горная, не разъехаться». Отработали решение на карте. Сделали макет местности. Уточнили решение. Прилетел генерал-лейтенант Булгаков, посадил меня в вертолет и говорит: «Летим на разведку!». Вертолет старый, весь трещит. – «Товарищ генерал, – говорю Булгакову, – по данным разведки, в ущелье обнаружены расчеты со „Стингерами“».

Настроение у всех падает. Булгаков, мудрый вояка, говорит: «Ладно, посмотрим с краю, с предельной высоты». Забрались наверх, пилот говорит: «Всё, дальше некуда!» Все смотрим в окна: лента реки, горы. Здесь предстоит нам воевать. Лица у всех бледные. Спустились с небес на землю, меня высадили, Булгаков говорит: «Иди, работай...»

С начштаба полка Бувальцевым полностью отработали решение на карте с пояснительной запиской. Было решено, что в ходе выдвижения в Шатой по Аргунскому ущелью совершим отвлекающие действия в направлении Ярышмарды, а усиленным батальоном в пешем порядке – через горы в направлении Малые Варанды – Большие Варанды, чтобы сверху выйти к Шатой.

Когда шли на доклад к Булгакову, у меня развязался шнурок, я нагнулся, в это время раздался выстрел, меня как ожгло – так близко прошла пуля. Иван Бувальцев говорит: «Нам только этого не хватало... Снайпер! Не к добру...».

Наше решение не утвердили. Генерал Булгаков: «Неправильное решение! Пойдем по дороге! Какие Варанды? Мы перед этим высаживаем десантные взвода на горюшках, они прикроют, как в Афгане». Я ему: «Товарищ генерал, да в Афгане горы другие были. Там все видно с гор, а здесь они покрыты лесом!». Меня выгнали с совещания. – «Бувальцев, оставайтесь!».

Начали готовить войска к боевым действиям. Разведывали маршруты выдвижения, как пойдем Волчьими воротами. Сидим с Бувальцевым – вдруг мой заменик приезжает, Александр Дворников. И командир полка Морозов прилетел из отпуска. Я полк сдал и уехал.

А перед этим приезжал полковник Колотило, старший оперативной группы, начал со мной ругаться. – «Товарищ полковник, аккуратней с людьми разговаривайте, чего хамите-то?» Слово за слово... Он приехал в Нижний Новгород, командующему армией доложил обо мне, и было принято решение меня заменить. Посылали с проверкой в группировку офицера, чтобы узнал, как я воевал. Характеристику на меня дал генерал Трошев. А Трошев у меня еще в Германии комдивом был.

Генерал Булгаков принял тогда другое решение: полк был направлен по Аргунскому ущелью. В результате были практически разбиты разведрота и саперная рота полка. Мне так их жалко, я их знал практически всех. Они погибли из-за упрямства и несвоевременности принятия правильного решения. Потом, в 1996-м году, будучи командиром полка в Дзержинске, я встретил командира разведвзвода, он рассказал, как расстреливаемые на открытой дороге, они прыгали с горы в Аргун и плыли к нашим...

Когда полк был остановлен на дороге вдоль речки Аргун, вернулись к нашему решению, и пошли на Малые Варанды. Через Большие Варанды вышли на Шатой и взяли его без единого выстрела и без потерь.

Пока в штабах всех уровней разрабатывали планы предстоящей операции, некоторые солдаты в полку решали свои проблемы...

«ЭТО ОНИ ТАКТИКУ ОТРАБАТЫВАЮТ...»

Александр Корнаков, контрактник, рядовой:

– Знакомые пацаны-танкисты, Саня-срочник из Новосибирска и старший лейтенант, командир танкового взвода, набухались и поехали на танке в Шали за водкой. Там въехали стволом в ларек, забрали ящик водки и уехали. За ними помчались из комендатуры, менты на «Урале». А наши на Т-80 уперлись в кладбище, там их и взяли. Побили всех. Старший лейтенант потом сказал им, что п...ц будет их «Уралу». У нас рядом ментовский блокпост стоял, из Сыктывкара, так наши говорили, что на том «Урале» все менты теперь боятся ездить.

В начале мая в Чечне начинает расти конопля. Особенно рады этому были хабаровчане. Как-то командир полка вышел из своего вагончика, смотрит, а перед ним в поле солдаты ползают, это они коноплю маленькую рвали. Ему кто-то объяснил, что это они тактику отрабатывают. А из этой конопли солдаты варили «молоканку». Это сгущенка, сахар, вода и конопля. Варишь и пьешь. «Башню» срывает сильно. Сам пробовал.

В середине мая приезжал корреспондент «Красной звезды» полковник Хабаров. Сфотографировал Турчинского, ему только что вручили медаль Суворова, а Димону – «За отвагу».

«В БАТАЛЬОНЕ НАС СМЕРТНИКАМИ ПРОЗВАЛИ...»

Вадим Рикун, зам. командира взвода, контрактник:

– Как-то я захотел сгущенки. Пошел к поварам рязанским: «Пацаны, дайте сгущенки!» – «Не, сгущенка только смертникам». Я охренел: «Каким смертникам?» – «Да разведке нашей». Тогда я узнал, что в батальоне нас смертниками прозвали.

Так обстрелялись понемногу. Опыта набрались. А ведь сперва от запущенной ракетницы к земле прижимался. Потом проснулся азарт: кто кого. Нас в разведке было двадцать человек. В полку постоянно шел набор для пополнения наших рядов. Вновь прибывших приходилось обучать стрельбе, тактике. Каждого лично отводил в сторону: «Будет страшно, говори мне. Я все устрою. Либо переведем, либо домой отправим, по желанию». Правда, один только сознался, что ему страшно. Никто ничего не узнал. Отправили домой. А остальным приходилось на личном примере доказывать. У одного крышу сорвало. Он встал и говорит мне: «Там „духи“!» – «Да нет никого!». Пришлось идти в зеленку, чтобы он успокоился. Иду, а сам думаю: «А вдруг правда есть?». Одного парня из грязи после боя вытаскивал, он орет: «Не встану!». – «Пошли, все кончилось!». Еле поднял...

Сергей Кузнецов, оператор-наводчик БМП 2-й мотострелковой роты, сержант:

– Поставляемые продукты были не лучшего качества, поэтому приходилось иногда доставать мясо, загоняя скотину на растяжки. Хлеб был часто с плесенью, есть можно только мякиш, поэтому выдаваемую нам коробками кильку в томатном соусе приходилось менять у жителей Чечни на хлеб.

Меня поражало состояние боеприпасов. Так осветительные мины для минометчиков были 1937 года выпуска, которые светили через раз. Поэтому мы частенько высказывали недовольство минометчикам, что они не освещают должным образом подступы к расположению роты. Но это была не их вина, и с этим они поделать ничего не могли. Когда по расположению роты «чехи» вели небольшой огонь, то не обращаешь внимания, но когда чувствуешь, что стрельба идет именно по тебе, то появляется азарт, и действуешь уже на автоматизме.

В полк приходили новые люди...

Сергей Лемешевский, офицер по общественным связям, капитан:

– Девяносто пять процентов всех моих сослуживцев по Западной группе войск от контрактника до офицера побывали поочередно в Чечне. И моя очередь подошла в мае 1995 года. 29 мая нас, двенадцать офицеров, на станции Ильино Нижегородской области провожали семьи. Ехали мы гражданским поездом до станции Прохладной Кабардино-Балкарской республики. Оттуда на автобусе доехали до аэродрома Моздока, и на вертолетах были переброшены в зону боевых действий. Когда нам, не вооруженным офицерам, в Шали сказали, что 245-й полк ушел дальше, нам каким-то образом удалось на нескольких БМП с рюкзаками добраться до полка.

После окончания моей командировки в сентябре 1995 года, я подвел итог по судьбам сослуживцев, которые убыли со мной 29 мая из Ильино. Шесть погибших, трое раненых, трое живых, в том числе и я. Хотя на протяжении всей моей чеченской компании я мог погибнуть три раза. Не знаю, наверное, крестик спас. Старший лейтенант Олег Чупенко, раненый в живот под селом Зоны, впоследствии скончавшийся в госпитале, также прибыл со мной.

Заместитель командира полка по воспитательной работе подполковник Гришин в первый же день приезда из-за того, что я не стал принимать имущество его походного клуба, проверил меня на «вшивость»: без оружия вывез на место переговоров под село Зоны. Мы выехали на место встречи со старейшиной этого села. Чтобы минимизировать наши потери при выдвижении, мы по-хорошему договаривались со старейшинами сел, чтобы не было стрельбы со стороны местного населения. Если все же у местного населения есть желание воевать, то

наш 245-й полк на открытой местности его ждет. На открытом месте у села Зоны мы прождали часа три, лежа за бетонными плитами. Так никто и не прибыл на переговоры. По обе стороны от дороги у села Зоны на сопках в это время сидели напротив друг друга десантники и «чехи». Выстрелов в нас в этот вечер не было.

Андрей Гуляков, командир отделения 5-й мотострелковой роты, сержант:

– После срочной службы в армии работал в Волго-Вятском УВД на транспорте, а когда началась война в Чечне, стал рваться туда. Корни мои из терских казаков, патриотизму учить меня было не надо, что происходит в Чечне – понимал. Из УВДТ не отпускали, со скандалом уволился.

В полку начинал рядовым, потом звание сержанта мне восстановили. В первые же дни был у меня разговор с командиром роты капитаном Хохловым. Он понял, что подготовлен я хорошо, через учебный центр. Я попросил ротного, чтобы он дал мне отделение чисто из контрактников: подготовка у них лучше. – «А кто срочников науськивать будет?» От первого состава роты, который входил в Чечню, к концу июня почти никого не осталось. Часть солдат ушли на дембель, приходили новые, молодые.

В роте срочников и контрактников было поровну. Из казаков в роте не было никого. Все ребята разные, но дружить с кем-то не стремился: потому что терять друзей очень тяжело. Ребята разные были. Большинство срочников – безалаберные, мало адекватных. Но ребята они были гарные. Восьмого июня мой день рождения нашли, чем справиться. В Элистанжи срочники себя хорошо показали. А вот командира взвода вообще не помню, и был ли он у нас... Кажется, сержант. Отношения в роте были нормальные.

Сначала у меня была СВД, но ствол винтовки оказался кривым. Я ротному Хохлову сказал: «Лучше с ПК». Здоровье у меня – два метра дурости, бегал с пулеметом нормально.

Игорь Ткаченко, старший офицер минометной батареи, старший лейтенант:

– Две недели после моего возвращения из отпуска прошли в перемещениях и подготовке в выходе в горы. Мы знали, что наш батальон пойдет первым. Задача – Шатой. Понимая, что минометке не хватает мобильности, было принято решение расположить «Васильки» на корму БМП третьей роты. Получался «чудо-зверь», к штатному вооружению которого (30-мм пушка, 7,62-мм ПКТ и ПТРК) добавился 82-мм автоматический миномет. Тачанка XX века! Боекомплект для минометов удобно располагался в десантном отсеке БМП. Для «Подносов» было выделен бортовой «Урал-4320». Кузов машины был засыпан грунтом и служил огневой позицией для двух минометов. Так же для нужд минометной батареи была выделена БМП, которая служила нашим транспортом для личного состава, боеприпасов и имущества батареи. ГАЗ-66 с водителями и старшиной оставались в тылу.

Произошли существенные кадровые изменения в управлении полка и батальона. Подполковник Бувальцев пришел на замену начштаба полка подполковника Чепусова, заместителя командира полка подполковник Коннова сменил подполковник Дворников, сменились командиры батальонов Цуркан и Васильев – вместо них пришли новые люди. По приказу демобилизовались и наши старослужащие, в том числе мой «замок» Сартаков и «авторитетный» Лаврентьев. Дембель – он и в Африке дембель, против него не попрешь, а вот изменения в управлении полка и батальонов перед боевыми операциями смотрелись странно. Хотя, смена командира первого батальона, с моей точки зрения, оказалась очень удачной. К сожалению, я не помню фамилию нового командира батальона. Офицером он показался мне грамотным, в меру рискованным, рассудительным и слегка флегматичным, что не мешало ему трезво оценивать обстановку и управлять батальоном. Некоторые сорвиголовы были с ним не согласны, но многие решения командира батальона спасли не одну жизнь, в том числе и мою.

«ТОЛКНУЛИ – ПОЕХАЛ...»

Иван Н., «Гранит-44», механик-водитель:

– В мае прошла смена, парни ушли на дембель. У нас механик ушел, меня по моей просьбе посадили механиком-водителем. Я стал ремонтировать машину. К технике у меня любовь, поэтому и машину водить я начал рано. Мотоциклы – это отдельная история. Занимался картингом. Это смешно, но из роты никто не согласился садиться за штурвал БМП. А я в поле учился ездить. Главное понять, как запускается двигатель, как передачи включаются (до сих пор помню), а остальное – как на машине. А ездить не так уж и сложно, главное вовремя переключить передачу или выжать сцепление, в другом случае пролететь на скорости.

Потом приходили новые механики-водители на замену после учебки, и не могли в грязи с места тронуться, так как не знали, где пониженная передача включается. Привыкли на асфальте на второй передаче трогаться. И то же самое вытворяли на грязи. Вот вам и учебка... Там подметать учили, и на плацу маршировать, а нормальной боевой подготовки у нас в армии давно нет.

Даже опытные технари не могли назвать причину поломки – не заводилась «бэха» со стартера. Поэтому ездил так: толкнули – поехал. Наводчиком-оператором у меня был Серега Рузавин, родом из села Обор Хабаровского края. С ним я и сдружился. Мне на машину поставили миномет «Василек» и в придачу нашему отделению дали минометчиков.

«ВСЕ ТРЕВОЖНЕЕ НА ДУШЕ...»

Александр Корнаков, контрактник, рядовой:

– 14-15-го мая выдвинулись к Шали. Мне дали огнемёт «Шмель», весом 11,5 килограмма. Получили на взвод ящик «Мух», патроны, гранаты. Вскоре морпехи и 166-я бригада начали штурм цементного завода. Загорелось нефтехранилище. Авиация и артиллерия несколько дней утюжили цементный завод. Дым от горящей нефти шел дней десять, а мы продолжали готовиться к предстоящему выходу в горы. Радости мало. Тем более что офицеры рассказывали, сколько еще там боевиков.

Чем ближе выход на операцию, тем все тревожнее на душе. Офицеры надеются на замену, срочники – на дембель. Но были и такие срочники, что пожелали задержаться. Сказали, сходим в горы и домой. Один из них был, помню, Саша Белый (фамилия, наверное, Белов) из Новосибирска.

Ротный, капитан Суровцев, на утреннем построении довел до нас план выхода в горы. Первым в ущелье, это за цементным заводом, должен войти 324-й полк, потом он уходит в сторону, и заходим мы. 324-й полк день идет нормально. На следующее утро капитан Суровцев нам объявил, что наша авиация разбомбила колонну боевиков. А к вечеру мимо нас едут ГАЗ-66, полные наших убитых солдат, только ноги торчат из-под брезента. Летчикам сверху было не видно, кто внизу едет по дороге...

«СНИЛОСЬ, ЧТО БУДУТ БОЛЬШИЕ ПОТЕРИ...»

Юрий Степаненко, командир 2-го мотострелкового батальона, майор:

– 21 мая у меня день рождения. Я собрал офицеров батальона, сидим, водку пьем. Мне 33 года исполнилось, возраст Христа. Еще подумал, что тоже убьют. А до этого дома мне приснился сон, что будет большой бой. Во сне воевал так, что кричал, жена разбудила. Снилось, что будут большие потери, но я останусь живой.

День рождения справил, проходит дня два-три и приказ: идти на Ведено. Пока стояли между Старыми и Новыми Атагами, «духи» нас решили затопить – поток воды с гор пошел. Все поплыло – палатки, матрасы, хорошо хоть боеприпасы остались, они тяжелые.

Из журнала боевых действий:

27 мая. Подразделения полка заканчивают подготовку техники и вооружения, слаживание подразделений к выполнению боевой задачи. Объявлена 4-часовая готовность к совершению марша.

28 мая. Подразделения полка приведены в боевую готовность «Полная». Личный состав занимался тщательной проверкой техники и вооружения к ведению боевых действий, а также пополнению запасов продовольствия и материально-технических средств. Объявлена часовая готовность на выдвижение.

29 мая. В 16:00 1-й мсб получил задачу выдвинуться в район Дуба-Юрт и в дальнейшем во взаимодействии с подразделениями ВДВ провести разведку маршрута в направлении Улус-Керт – Сельментаузен и, выставив по указанному маршруту блокпосты, обеспечить выход в указанный район главных сил полка.

Ночью при выдвижении при перестрелке с боевиками погиб 1 человек, рядовой Прохоров И. В., 1-й мсб. Имеются потери в технике и материально-технических средствах.

В конце мая бандформирования продолжали оказывать упорное сопротивление продвижению российских войск в южные районы Чечни. Наиболее активно противник оборонялся в направлениях Шали, Агишты, Сержень-Юрт, Ведено. Особое значение бандформирования придавали удержанию опорных пунктов на высотах, находящихся на маршрутах продвижения войск группировки российских войск.

Поскольку наступление российских войск на агиштынском и веденском направлениях было остановлено обороной боевиков, командование ОГВ приняло решение провести серию рейдов. Планировался быстрый выход частей на Махкеты, Элистанжи, Ведено.

Подразделения 7-й и 104-й воздушно-десантных дивизий получили задачу создания блокпостов вдоль направления действий 245-го полка, обеспечения его флангов от внезапных ударов боевиков. С взятием Ведено планировалось возобновить наступление на Шатой.

План начал осуществляться с 29 мая. Десантники и морпехи овладели северо-западной окраиной Агишты, блокировали группы боевиков севернее этого селения.

«В ОЖИДАНИИ НЕИЗБЕЖНОГО И СТРАШНОГО...»

Игорь Ткаченко, старший офицер минометной батареи, старший лейтенант:

– Днем 29-го мая батальон начал движение в направлении входа в Аргунское ущелье. Шли спокойно, без сопротивления, но опасливо. Было тревожно. Что нас ждет? К чему готовиться? Втягивались в ущелье колонной, как нитка в игольное ушко. Время от времени останавливались и, постояв немного и осмотревшись, снова начинали движение.

Входили в ущелье через селения Пионерское и Чишки. Задача батальона была следующей: по горным дорогам через Малые и Большие Варанды выйти к Шатою с запада. Перед селением Чишки батальон расположился на ночь на небольшой поляне в готовности рано утром выдвинуться по указанному маршруту. Ночь прошла тихо, но от этого было еще тревожней, чувствовалось, что все и вся находятся в ожидании неизбежного и страшного.

Ночью на позицию батальона вышли два морпеха: мичман и матрос. Вид у них был крайне потрепанный. Прапорщик был контужен, оба имели легкие ранения. С ними поговорил комбат, и обоих эвакуировали в полк. Сам я их рассказ не слышал, только пересказ, что они из отряда морских пехотинцев, что в результате ночного нападения боевиков их блокпост в районе села Агишты был уничтожен, а они двое – всё, что осталось от взвода.

«МЫ ПАРУ СЕКУНД СМОТРЕЛИ ДРУГ НА ДРУГА...»

Александр Корнаков, 2-я мотострелковая рота, контрактник, рядовой:

– Вечером 29-го мая наша вторая рота первой из полка должна была войти в ущелье, чтобы занять позиции и позволить начать движение другим подразделениям полка. На каждого из нас повесили по две мины, и мы в пешем порядке вошли в ущелье. Прошли в темноте километров десять, тащили на себе мины, огнемёты, гранатомёты и в 23:00 остановились на отдых до утра.

Утром разведчики рассказали нам, что метрах в двухстах от нас ночевали боевики и под прикрытием тумана ушли. Туман там был такой, что ни мы их, ни они нас не видели. Лишь к утру, когда туман стал рассеиваться, разведчики увидели хвост их уходящей группы. Когда мы подошли ближе, то обнаружили теплое кострище.

Утром 30-го мая подошла рота 104-го парашютно-десантного полка в сопровождении танка и тягача. Подошла также техника нашей роты, и мы совместно с ротой ВДВ двинулись дальше. Рота 104-го полка состояла только из техники и экипажей, остальной личный состав был доставлен вертолетами на выбранные позиции. Мы двигались пешком целый день, а наша техника ползла сзади. Слева танкисты засекли солнечный блик от стекла и два раза выстрелили туда из пушки. По рации разведка доложила, что видит группу боевиков из пятнадцати человек, движущуюся в нашем направлении.

Я и еще несколько солдат роты были приданы к голове колонны 104-го полка, остальная часть роты двигалась в конце. Когда нам стало известно о боевиках, мы заняли оборону вдоль ущелья, чтобы оценить обстановку. Выслали разведку. Прямо перед собой, метрах в пятидесяти, я увидел высунувшуюся на секунду из кустов голову боевика в черной косынке. Мы пару секунд смотрели друг на друга, и он исчез. Я открыл огонь по тому месту, где он находился. Остальные тоже начали простреливать кусты. Потом пришла разведка и сообщила, что боевики ушли. Дальше основная колонна свернула в сторону из ущелья, наступал вечер. Оставаться на ночь в ущелье, где ты как на ладони, опасно, а я и еще несколько солдат из третьего взвода вместе с десантниками на двух БМД (боевая машина десанта – **авт.**) двинулись в разведку дальше.

Впереди на дне ущелья мы обнаружили свежие следы гусениц, но так как наших впереди не было, следовательно, это была техника боевиков. У одной БМД на камне оторвался каток, и она двигаться не могла. Мы остановились и заняли оборону по обеим сторонам ущелья. Вторая БМД двинулась дальше, но скоро вернулась назад. Ребята, которые были на второй БМД, рассказали, что впереди деревня, а в ней на дороге видели боевиков на двух машинах. Мы стали пробовать тащить сломанную машину второй БМД, но и у этой оборвалась и слетела гусеница. Я подумал, что это конец, ведь уже темно, а двигаться мы не могли. Наверняка боевики знали о нашем местонахождении. По ходу движения я все время ощущал, что за нами наблюдают.

Но вот радость – за нами прислали тягач, и он зацепил сразу две БМД. Когда он притащил нас к своим, взводный Володя Архипов обрадовался, что мы вернулись, ведь нас долго не было. Все целы. Ночь прошла спокойно, лишь десантники обстреливали из минометов ближайшую зеленку.

30 мая полк 104-й дивизии, удерживая господствующие высоты в занимаемых опорных пунктах, обеспечил ввод в бой 245-го полка, который, используя результаты огневого поражения, блокировал Махкеты с юго-запада, захватил семь опорных пунктов противника в километре юго-западнее Махкеты.

В первой половине дня 31 мая 245-й полк под прикрытием блокпостов десантников продолжал наступать в направлении селений Сельментаузен, Махкеты, продвинулся на два-три километра и занял рубеж по левому берегу реки Бас с целью блокировать Махкеты с юга.

«СТРАШНО, ВОТ И НАПИЛИСЬ...»

Александр Лягушкин, заместитель командира 1-го мотострелкового батальона, капитан:

– После окончания моратория на ведение боевых действий наш полк планировали двигать по Аргунскому ущелью на Шатой. Но в связи с большими трудностями, которые испытывал сводный полк морской пехоты в соседнем ущелье, нам поставили новую задачу: за первым горным хребтом повернуть налево и идти на Ведено.

Днем довели задачу моей разведгруппе: заблаговременно выдвинуться по маршруту полка и батальона с целью изучения возможных путей движения и не допущения внезапного нападения боевиков. Выход в двадцать часов.

В 19:00 построил группу, чтобы поставить конкретные задачи, а солдаты все пьяные. От первого до последнего... Страшно ребятам первый раз в разведку идти, вот и напились. Попытался от злости наорать на них, да рукой махнул: бесполезно. Лыка не вяжут... Так и пошли, пошатываясь. До определенного рубежа нас, тридцать восемь человек, с приданными саперами, проводил новый зам. командира полка подполковник Дворников, а дальше мы пошли сами.

«ТЕМНОТА БЫЛА КРОМЕШНАЯ...»

– С нами шел батальон десантников из Волгограда. У них была задача – оседлать высоты по хребту над ущельем, по левой стороне. Они выставили по маршруту двенадцать-пятнадцать блокпостов, но из-за густой растительности в горах могли контролировать территорию в радиусе 70—100 метров вокруг себя. Сказать, что они блокпостами обеспечивали чей-то проход, было бы сильным преувеличением.

Темнота была кромешная, хоть глаз коли. Даже на двадцать сантиметров уже ничего не было видно. Чтобы не потеряться, каждый держался за плечо впереди идущего, фонариками подсвечивать нельзя, иначе могли обнаружить. Тогда – прощай внезапность. Территория – уже неподконтрольная российским войскам. Всю ночь шли, весь день, с короткими привалами для приема пищи. В сон не клонило, потому что использовали препараты от усталости и сна. Сиднокарб называется. Две таблетки после обеда и всю ночь ты, как стойкий оловянный солдатик. Когда в Азербайджане на горных учениях принимал участие в его испытаниях, не думал, что когда-нибудь доведется в боевых условиях применять.

«ДАВАЙТЕ СДЕЛАЕМ ПЛОВ...»

– К шести вечера на следующий день мы дошли до высоты, на которую десантники выставили свой крайний блокпост. Там расположилась разведрота десантников, человек двадцать, и вместе с ними арткорректировщик, афганец, опытный офицер.

К тому времени протрезвели все начисто. От блокпоста десантников сами двинулись дальше по хребту, километра на полтора. Видим – на поляне домик, сарай, изгородь, колодец. Решили с Юркой Петлицким здесь на ночь остановиться. Время – 19 часов, скоро темнеть начнет. Как потом оказалось, домик этот был местом для отдыха боевиков, днем воевавшим против морпехов...

Наши ребята проверили все помещения. Нашли рис, а у нас была тушенка, обнаружили свежую простоквашу в бидонах, что-то еще. Контрактники подходят: «Командир, давайте сделаем плов и блинчики». В таких условиях это же пир! Переглянулись с Петлицким: «Давай офицеров-десантников позовем в гости на ужин с крайнего блокпоста». Пошел Юра к ним и через полчаса возвратился с капитаном-арткорректировщиком и двумя бойцами охранения – делегаты от десантников.

Организовали на высоте круговую оборону. На каждое направление поляны выставили по шесть человек, поставили задачу: двое наблюдают, двое отдыхают, двое пищу готовят. Нам в группу придали шесть саперов, все контрактники. Пока разведчики оборудовали позиции, саперы изготовили из гранат Ф-1 мины нажимного действия, растяжки, и поставили их вокруг нашего расположения метрах в тридцати-пятидесяти.

«С КАЖДОЙ СТОРОНЫ ОПАСНОСТЬ...»

– Дело к ночи идет. Без пяти десять вечера. Только мне доложили, что плов готов, раздался взрыв – кто-то на растяжке подорвался. Но не наш, значит боевики пожаловали. Разведчики ящерицами по своим направлениям расползлись. Тут и стрельба началась, сначала редкая, потом все более плотная – головы не поднять.

На пяти из шести направлений обороны у нас были прицелы ночного видения, либо ночные бинокли. Подползают к нам по одному бойцу с каждого направления, докладывают, что у себя наблюдают. С одного направления сообщают: «Вижу передвижение, человек тридцать-пятьдесят». – «Нас столько же, – думаю, – отобьемся!».

Тут проявились лучшие качества моих разведчиков: смекалка, сообразительность, выдержка и отвага. Никакой паники, в белый свет, как в копеечку не палят, стреляют только одиночными, а то, не дай бог, патроны закончатся. Поскольку у каждого было по три-четыре гранаты, чтобы сэкономить, сначала на шорох бросали камень. Услышат, куда боевик начинает от него ломиться, и тогда уже вслед летит граната.

Гость-десантник в такой ситуации уйти к себе уже не смог, по связи своим сообщил, что жив-здоров. Мы с ним в центре поляны обосновались. Решили ни к одному направлению не сдвигаться, с каждой стороны опасность может возникнуть. Вечером, пока еще тихо было, из домика бойцы нам матрасы, подушки с одеялами вынесли. Белый цвет в ночи резко контрастировал с темнотой. Решили своим спокойствием в бойцов уверенность вселить. То, что мы посреди высоты лежим, да еще спать пытаемся, успокоило солдат. Хотя страх не проходит, просто каждый старается его в себе перебороть. Десантники на помощь подойти не могут – друг друга перестреляем в темноте.

Около часа ночи тяжело ранило в голову Игоря Прохорова, солдата-дальневосточника. Выносливый, могучий, добросовестный солдат-срочник. По характеру ранения видно, что пули снайпера высокой квалификации. Неслучайный выстрел. Выходим на связь, чтобы доложить, да помощь запросить, а в ответ тишина. Потом выяснили, что радиочастоты в полку поменялись! А у нас данных о запасных частотах нет. Такая вот была организация наших действий. Минут через семь Прохоров умер. Мы только успели сообщить по рации через десантников, что у нас «трехсотый».

«ЛЕЖИМ, КАК НА ВИТРИНЕ МАГАЗИНА...»

– С арткорректировщиком решили организовать поддержку огнем артиллерии. Выходит он со своими на связь, дает координаты.

Минут через пятнадцать слышим шелест снарядов. Сначала артиллеристы с запасом взяли, потом все ближе, ближе, но больше нельзя. Как стрелять, если боевики от нас в 100—150 метрах. Пролетел самолет, подвесил над нами осветительное устройство («люстру»). Оно на парашютах, опускалось медленно, долго нас освещало. А мы на поляне лежим, как на витрине магазина. Всю ночь стрельба не прекращалась.

Понял, что с рассветом нас на поляне будет хорошо видно. Уже без приборов ночного видения, коих у боевиков немало. А бандиты где-то залегли, перемещаются вокруг нас. По докладу под утро еще человек пятьдесят появилось с другого направления. «Если это не одни и те же, – думаю, – то туго нам придется. Пора уходить на блокпост к десанникам».

С рассветом пошли, одна группа впереди, вторая наш отход прикрывает, в центре несли погибшего воина, здоровый парень, больше ста килограммов весом. Положили его у десанников: к ним днем должны были подъехать БМД.

Прошли к десанникам, пока бойцы курили, мы с командирами отделений провели короткое совещание. Пришли к выводу, что человек 12—15 уложили. Неплохой ответ за одного нашего Прохорова. Сначала хотел дать команду собрать документы и оружие убитых боевиков, но от этой идеи отказался: наши разведчики могли на собственных растяжках подорваться.

Командование ОГВ приняло решение: за 1 июня произвести перегруппировку частей и подразделений на махкетинском направлении, организовать взаимодействие между 245-й мотострелковым, 106-й полком морской пехоты и батальоном 7-й воздушно-десантной дивизии, провести рекогносцировку маршрутов выдвижения на Махкеты, Элистанжи и Ведено, а затем и наступать на этих направлениях.

Из журнала боевых действий полка:

30 мая. 1-й мсб в течение ночи продолжал выдвижение и к утру 30 мая занял оборону в районе Сельментаузен. Главные силы полка совершили марш и к 10:30 заняли оборону в районе Сельментаузен.

ИСР провела проверку района расположения, в результате обнаружено и уничтожено: снарядов «Град» – 11 штук, артснарядов – 24, ВОГов – 64.

В 11:00 2-я и 3-я мср приняли бой, подвергшись сильному обстрелу из БМП, РПГ и СО (стрелкового оружия – **авт.**). Противник ведет огонь из зеленки, и обнаружить его крайне трудно. Огнем орудий БМП-2 и СО атака отбита. Имеются потери: 6 человек ранены. Подбита БМП-2.

В 15:00 при выдвижении в район обороны 1-го батальона обстреляна колонна. Машина командира батальона уничтожена. Потерь нет. Позиции батальона подверглись обстрелу со стороны противника. Работали снайперы. К исходу дня 1-й батальон достиг рубежа с отметкой 821,9 и занял круговую оборону в районе высота 822, высота 881,4. В течение дня зеленку обрабатывали вертушки. С целью эффективности выполнения задачи полку придан дивизион «Нон» ВДВ. С 23 до 00 часов позиции 2-й мср обстреливались противником из СО. Велся ответный огонь на поражение. Есть потери по личному составу, вооружения и техники. Сведений о потерях противника нет, пленных нет.

Потери по личному составу: мл. сержант Покровский А. Н., рядовой Турчинский С. С. Ранены 7 человек. Без вести пропавших нет. Потери по технике: 2 «Урала» с топливом.

«ЧУВСТВО НАДВИГАЮЩЕЙСЯ ОПАСНОСТИ ОТСУТСТВОВАЛО...»

Игорь Ткаченко, старший офицер минометной батареи, старший лейтенант:

– Наступило утро. В батальон прибыл какой-то генерал, который отменил наше движение на Шатой и указал новую цель: Махкеты – Элистанжи – Ведено. – «Надо ребята, очень надо. Всем, слышите, всем – досрочные звания и ордена Мужества, только сделайте». В его голосе звучала какая-то тоска, что ли. Я тогда подумал: «Хана нам. Быть бы живу. Не до звездочек на погонах». Наличие генерала с тоской в голосе не предвещало ничего хорошего, а то, что он еще обещал земные блага, вызывало еще большую тревогу.

Сборы были недолгими. Попрыгали по машинам и вперед, за орденами. Колонна батальона прошла село Чишки, по мостам перешла через реки Аргун и Шарааргун и двинулась на село Улус-Керт. Двигались быстро, без остановок. Перед Улус-Кертом комбат, уточнив на местности показание топографической карты, принял решение двигаться в направлении Сельментаузена по руслу реки Абазулгол. Река – одно название, ручей, бегущий по дну глубокого ущелья.

К полудню мы были на месте. Две роты батальона, третья и вторая, минометная батарея, гранатометный взвод, штаб батальона. Первая рота шла последней за нами. Мы выскочили из реки на северной окраине Сельментаузена и оказались на поляне, которая была скрыта от населенного пункта лесопосадкой. Колонна батальона, выбравшись на небольшую поляну, скомкалась и остановилась. Комбат собрал офицеров для принятия решения, что делать дальше. Начальник связи батальона организовывал связь со штабом полка. В этот момент из-за лесопосадки появилась легковая машина, кажется «Волга». Наступила пауза. «Волга» остановилась. Видимо, водитель не мог сразу сообразить, кто перед ним, а когда понял, резко развернулся и скрылся за лесополосой. Весь батальон, от комбата до рядового наблюдали эти маневры и, только когда машина скрылась из вида, комбат задал вопрос, который мучил не только его: «А какого хрена никто не стрелял?». Нежданно-негаданно, для чеченцев и для самих себя мы оказались там, где нас никто не ждал. Когда комбат доложил в штаб полка о том, где мы находимся, там долго переспрашивали: «Где? Как ты там оказался?». Комбат принял решение: вторая рота Суровцева остается на занятом плацдарме и встречает основные части полка. Остальные силы батальона продвигаются по дороге в направлении Махкеты.

Около моста через речку Алакская голова колонны была обстреляна, решили не продвигаться дальше до прибытия основных сил полка и проведения разведки и артиллерийской подготовки.

Колонна батальона остановилась на дороге. Слева по ходу движения от дороги поднималась небольшая высота, покрытая густой растительностью, справа от дороги было поле, на котором и было принято решение занять позиции. Поле от дороги отделял глубокий арык, через который наш «Урал» и бензовоз не могли перейти и осталась стоять на обочине, ожидая решения вопроса о перемещении на поле. Компанию им составила БМП с боекомплектom мин. Остальная гусеничная техника тем временем перебралась и расположилась на поле.

Солнце стояло высоко, было очень жарко. День был замечательным. Я, Лёша Зиновьев и человек пять бойцов перешли на левую часть обочины дороги, совершенно спокойно, я бы даже сказал безалаберно, спустились к естественному водоему. Лёша, видимо от сильного боевого настроения, пристрелил мирно лежащую в тени и прохладе водоема чеченскую лягушку из табельного пистолета, заодно обрызгав грязью всех рядом стоящих, в том числе и меня. Чувство надвигающейся опасности отсутствовало полностью. Каждое наше действие, коллективное и личное, умышленное и случайно разгильдяйское приближало нас к тому исходу, которому суждено было случиться. Я выругался, отошел в сторону, поднял голову и... сквозь

зелень растительности мельком заметил, как мне показалось, проезжающий автомобиль, типа ГАЗ-66 с выгоревшим тентом. Не как у нас, зеленоватым, а со светло-коричневым оттенком. Я окликнул бойцов, Лёше крикнул: «Наверху прошла машина», и стал подниматься в горку. Вперед меня пробежало три-четыре бойца, я поднимался следом и, не доходя до вершины, повернул обратно, потому что те, кто пробежал вперед, ничего не обнаружили наверху кроме двух пасущихся коров. Мы стали спускаться к дороге. Кто-то из бойцов сказал, что я, видимо, ошибся, никого там нет, только коровы и, как только он произнес эти слова, «коровы» открыли по нам огонь из стрелкового оружия. Стреляли двое-трое, огонь был неплотный и неприцельный. Стреляли в спину, мелкими очередями. Я оказался четвертым, рядом со мной метрах в пяти вверх по склону полусидел-полулежал Абакумов, мой верный оруженосец. Приказал Абакумову лечь и ползти ко мне. Через секунды он был возле меня и сообщил, что выше по склону еще лежат наши. Я пополз наверх, сполз в промоину, образованную ливнями и тальми водами, глубиной 50—60 сантиметров, и увидел двоих бойцов выше по склону метрах 15—20 от себя. Они как спускались, так и завалились в промоину, то есть спиной к нападавшим, без всякого шанса развернуться. Огнем боевики не давали им поднять головы. Лежат, не шевелятся. Я подполз поближе и спрашиваю: «Целы?». В ответ утвердительно кивают. — «Давай, потихоньку, пригнитесь и ползите ко мне. Голову не поднимайте, снесут», — а они смотрят на меня, лежат и не двигаются, в глазах страх и просьба вытащить их. Пришлось применить грубые мотивирующие слова и словосочетания, что и подействовало — они поползли.

Заметив движение, боевики усилили огонь и, вдобавок ко всему, переключились на меня. Но мы всё же выбрались. Все это время нас прикрывал пулеметный расчет, подтянулась и пехота. Мимо меня пробежал Аркаша, боец разведгруппы батальона, контрактник, колоритная личность. Здоровый рыжий детина с большими рыжими усами, в тельняшке, обмотанный пулеметными лентами, в руках РПК, а за поясом две противотанковые гранаты. Отбились и отошли за дорогу, в арык.

Все время, пока мы колупались на склонах высоты, Зиновьев сдерживал пехоту, не давая им снести нас с высоты вместе с боевиками, но, как только мы откатились за дорогу, пехота нанесла по высоте удар из всего, что стреляло, особой рьяностью отличались гранатометчики. Весь личный состав батареи уютно расположился в арыке, справа от дороги. Все три машины, которые мы оставили на дороге, боевики подожгли. Особенно ярко горел бензовоз, но громче и эффектней всех разорвало БМП. Когда сдетонировал боекомплект, а это двадцать ящиков мин (двести штук), погон БМП оторвало от корпуса и подняло в воздух на метр-полтора. Башня с пушкой улетела метров на пятнадцать. Взрыв БМП вызвал большие волнения в арыке. Личный состав, который находился в непосредственной близости от БМП, под руководством офицеров батареи так организовано и быстро ретировался с места своего расположения, что только пятки сверкали.

Взрыв БМП ознаменовал собой окончание активной фазы боя. Еще догорали кабины «Урала» и бензовоза, а мы уже покинули укрытия и стали подсчитывать свои убытки. Слава Богу, потерь в личном составе не было. По материальной части и вооружению пришлось констатировать факт, что минометная батарея как боевая единица перестала существовать. Мы потеряли все имущество, которое находилось в БМП: четыре комплекта минометов (приборы и железо), двести 82-мм мин, а также все приборы разведки, спальные мешки и мои теплые носки. У нас осталось два миномета и полсотни мин к ним. Чтобы не пропадать добру, развернули два расчета и отстреляли оставшийся в наличии боекомплект в сторону моста через реку Алакская, но говорить о прицельной стрельбе не приходилось. У меня не было даже буссоли, чтобы привязаться к местности и сориентировать минометы, о чем и было доложено заместителю командира полка.

Мост решили проходить утром следующего дня, после артподготовки. Также утром должна была прибыть на наши позиции минометная батарея Игоря Андропова второго мотострелкового батальона с задачей обработать прилегающую к мосту территорию.

Технику отогнали подальше в поле. Рота Славы Сулейманова смотрела на высотку, с которой нас обстреляли днем. «Землеройка» откопала в поле окопы, в которых мы и заночевали. Спасибо Сереге Пименову – не дал замерзнуть, выделил нам с Зиновьевым, Савицким и Коноваловым спальник и еще какие-то теплые вещи.

«ДВЕ ПУЛИ ПОПАЛИ В ЖИВОТ...»

Александр Корнаков, контрактник, рядовой:

– Утром мы уже на машинах двинулись обратно в ущелье к той деревне. 104-й полк получил другую задачу. 31-го мая наша рота с техникой без боя подошла к селению, где вчера видели машины с боевиками. Никого не было, мирные жители тоже ушли. Рота заняла оборону перед селением и стала ждать подхода основных сил полка. Курева уже не было, да и жрать тоже, ведь с собой брали только минимум. Пацаны пошли в деревню, принесли чаю, сахару, сыра и грецких орехов. Кто-то завалил корову и принес нам ляжку. Первого июня к обеду подтянулись остальные подразделения полка, привезли нам курева и продовольствия, а сами двинулись дальше. Кто-то прихватил в селении диван, погрузили на БМП и сели на него. Кто-то поймал курицу, кто-то – козу. Так прошел еще один день, только, слушая рацию, узнавали, что впереди где-то завязался бой.

К вечеру командир роты капитан Суровцев приказал нашему взводному Володе Архипову выставить на дороге из ущелья пост из четырех человек, чтобы прикрыть тыл роты на случай появления чеченского танка. Я попросился у взводного, но он отказал и послал Турчинского, Сметанина, Сашу «Мазуту». У «Мазуты» был трофейный автомат АК-47 со сломанной мушкой (выпросил у ротного). Рота заняла круговую оборону. Ночью очень хорошая слышимость, и земля в ущелье как будто шевелится: слышны шорохи и можно подумать, что кто-то идет. Мы не знали этого и всю ночь кидали туда гранаты и простреливали ущелье из автоматов.

Около двенадцати часов ночи со стороны дороги началась стрельба. Когда Архипов и я туда прибежали, а бежать нужно тихо, потому что свои завалить могли, мы увидели раненого Турчинского. У него были два пулевых ранения в ноги и две пули попали в живот, пробив пулеметные рожки. Пулевые отверстия в рожках и ногах были калибра 7,62 мм, что подходит к АК-47. Взводный Архипов сделал Турчинскому два укола промедола, но ему все равно было больно, и он попросил, еще в сознании, чтобы его перевернули на другой бок. Ночью наша БМП отвезла Турчинского в полковую санчасть, где он и умер. Сметанин, что был с ним, рассказал, что они с Турчинским расположились с одной стороны дороги, а «Мазута» с напарником по другую сторону. Ночью, когда началась стрельба, он не понял, откуда и кто стрелял, «Мазута» сказал, что стреляли «чехи» из кустов. Но я потом ходил и смотрел ближайшие кусты. Ничего похожего на присутствие «чехов» не было. Я сказал потом «Мазуте», что это он попал в Турчинского. Он не признался, но это и так было понятно, и многие так думали. Я взводному тогда спасибо сказал за то, что он меня туда не направил...

«СПАСИБО ТЁЩЕ: КАЖДЫЙ ДЕНЬ СТАВИЛА СВЕЧКУ ЗА ЗДРАВЬЕ...»

Юрий Чепурной, 3-я мотострелковая рота, рядовой, контрактник:

– Когда сказали, что идем на Ведено, все обрадовались: надоело сидеть без дела. Утром выехали к ущелью. Когда приехали, нашей роте приказали выдвигаться пешим ходом. Техника осталась позади. Спросили ротного: «Что с собой брать?» – «Наши машины сразу идут за нами». Ну, думаю, нормально, бушлат не буду одевать, а я тогда в футболке был. Взял ПК, загрузил в вещмешок два цинка с патронами, ленты. Ну, думаю, дотащу. И так потихонечку потопали в горы. Шли, наверно полтора часа, а может и больше. Я уже мечтал о привале: плечи горят от вещмешка. А отставать от роты как-то стремно. Темень вокруг, только видно силуэты наших ребят. Огромное спасибо разведчикам, они раньше вышли, а потом вернулись за нами. Юра-нижегородец, бывший милиционер, тогда сам подошел: «Помощь нужна?». Думаю: «Откуда мне такое счастье привалило...»

Перед самым Ведено колонна остановилась, справа скала, слева зеленка. Мы прыгнули и вперед, там дорога шла вверх и сразу выходила на ровное место. Когда перебежали, за спинами поднялись фонтанчики от пуль. Спасибо моей теще: она каждый день ставила свечку за здоровье. С криком «Ура!» пошли вперед, как в кино. Находили окопы, в них продукты были: «духи» в спешке уходили. Мы тогда банкет устроили... Ребята рассказали, что столкнулись лицом к лицу с «духами» и разошлись. Кому помирать охота...

Дошли мы до морпехов. Думал, что тут будем ждать свои машины. Уже холодно, зуб на зуб не попадает. Немного перекусили, надо ложиться отдыхать, а какой отдых, если холодно. Пришлось идти к морпехам, они у костра сидели. Там у них немного оклемался.

Утром ребята подогнали мой бушлат, и мы пошли дальше. Приказ – выйти на мост. Долго лазили по оврагам. Не скрою, я тогда вспоминал наших командиров незлым матом. Нашли этот мост. Все, думаю, машины скоро приедут. Слышим гул машин, обрадовались все: сейчас на десант и вперед, на Ведено. Но не тут-то было. Выехала БМП, развернулась и ушла, прихватив офицера, который с нами был. Он, наверное, замерз с нами спать на голой земле. Нас Бог миловал, что не попали в засаду, но ночь провели, не смыкая глаз. Полк далеко, все вслушивались в темноту и ждали рассвет. Мы дождались нашу колонну. Несколько раз нас обстреляли. Когда встали на ночь, полк расположился по кругу, меня припекло. Я Андрея, механа, спрашиваю: «Куда идти?» – «А ты иди в круг, ямку выкопай, и все». Ладно, пошел, но тут как шарахнуло из зеленки, что мне перехотелось сразу. Тогда подорвали БМП.

«ТЫ ЗДЕСЬ ДАВНО, А Я ТОЛЬКО ПРИЕХАЛ...»

Игорь Ткаченко, старший офицер минометной батареи, старший лейтенант:

– Всю ночь чеченцы вели беспокоящий огонь, навесной траекторией со стороны села Махкеты. Сулейманов говорил, что стреляли из БМП-1, но было безопасно, т.к. достать они нас не могли из-за особенностей местности. Единственный, кого беспокоила эта стрельба, был капитан Пожарский, сменщик Славы Сулейманова. Прибыл горе-капитан не вовремя. Кажется, начальник связи батальона Сергей Мурлаев его привез в самый разгар боя у дороги. Сидя в арыке, Пожарский сразу попросил у Мурлаева отдать ему свой бронежилет. На вопрос Сергея: «А я как?», Пожарский резонно ответил: «Ты здесь давно, а я только приехал». Когда стемнело, мы пришли к Славе что-нибудь перекусить, почесать языками и познакомиться с новым ротным. Слава сидел на складном стульчике возле БМП, Пожарский в десантном отсеке. Обсудили весь прошедший день во всех подробностях, посмеялись и погоревали. Лёша Зиновьев предложил обмыть ряд событий: что родились в рубашке, что без потерь, что сменщик прибыл. Поводов набрался вагон, но у Славы ничего с собою не было.

– А что «новый» ничего не привез? – спросил Леша

– Хорошо, что сам приехал, – ответил Слава

– Нет, это не дело, может у Лягушкина что-то есть? У него должно быть. Пошли к нему, – не унимался Зиновьев.

– Пошли.

Собрались, кое-как выманили вновь прибывшего Пожарского из десантного отсека (как без него его же прибытие отмечать!) и пошли к замкомбата. Недалеко, метров сто, не больше. Темно. Идем. Слышим, выстрел пошел со стороны чеченцев, через несколько секунд глухой разрыв метрах в 250—300 за нами. Идем, не обращаем внимания, знаем, что не прилетит он к нам. Дошли до Лягушкина, но не все. Пожарский потерялся. Слава обречено вздохнул и поплелся назад искать своего сменщика. Нашел в воронке. Утром Пожарский отказался принимать роту... Может быть, и к лучшему.

«НЕУПРАВЛЯЕМЫЙ ПРОЦЕСС ПОШЕЛ...»

Александр Лягушкин, зам. командира 1-го мотострелкового батальона, капитан:

– В тот момент мы не знали, где наш полк, как пойдет, когда? Связи по-прежнему нет. Где-то внизу в ущелье был слышен рык машин. Наши или нет? Мы решили спуститься, посмотреть. Идем, у солдат от стресса начались глюки: под каждым кустом боевики мерещатся.

Вышли в ущелье, там идет техника полка, только второй батальон. С ними до полка доехали. Подходим в расположение батальона, он как раз занимает круговую оборону на большом поле. Рядом арык, с той стороны дороги высота начинается, густо заросшая деревьями и кустарником. Инженерная машина начинает оборудовать в долине окопы для техники. И тут из леса боевики открыли огонь. Сначала по колонне техники, не успевшей с дороги в поле съехать. Наверное, это была та же бандгруппа, с которой мы ночью на высоте воевали. Знать бы заранее, мы бы в ущелье не спускались, а дальше по вершине хребта прошли. Наверняка боевиков перехватили бы.

Вместе с машинами на дороге стояла и БМП комбата с нашей ВСС внутри. Стреляли по нам из РПГ и автоматов. Пехота противника не видит, заходящее солнце в глаза светит. И давай в ответ стрелять, куда попало. Совершенно неуправляемый процесс пошел. Кричать солдатам «Стоп!» – было бесполезно. Мы со своей группой могли вперед через дорогу выдвинуться, нападение отразить. Да куда там! Под пули наших же солдат?

Спустя несколько минут один «Урал» загорелся, бортовой, затем второй с имуществом, третий – топливозаправщик. Командирскую БМП подожгли, экипаж успел выбраться, лежит в арыке. Пять выстрелов – пять попаданий, потом и боекомплект в БМП взорвался. Осколки летят во все стороны, в том числе и на наших минометчиков, что были в арыке. Но убежать успели. Быстро бегают, черти!

«МОЖЕТ, ОСТАНОВИМСЯ, А ТО ВРОДЕ КАК БОЙ ИДЕТ?».

– Боевики со своей высоты прекрасно видят батальон, как на ладошке. Больше всего их раздражает инженерная машина. Не обращая внимания на стрельбу, тихой сапой работает, укрытия для машин копает. Пытались чеченцы поразить ее навесной траекторией, несколько выстрелов из РПГ сделали, но не попали.

Юрий Петлицкий рассказал потом, как он в штабе получил полковую землеройную машину, помогать окопы копать. Юра, как старший машины, сидит рядом с водителем, вдруг слышат выстрелы впереди. Спрашивает водителя: «Может, остановимся, а то вроде как бой идет?». Этот тракторист, перекинув во рту папиросу, лихо отвечает: «Не впервой!», и тут по верху кабины очередь. – «Надо прыгать, теперь точно пора!» – «Открываю, – рассказывает, – левую дверцу, понимаю, нельзя в левую сторону прыгать – под огонь, надо через правую дверь. Поворачиваю голову, а механика-водителя и след простыл! Сам выпрыгнул, а трактор дальше едет». Только в кювете остановился и заглох.

«ДАЖЕ СТОЯТЬ НЕ МОГУТ, НЕ ТО, ЧТО ИДТИ КУДА-ТО...»

– Приехал от штаба полка комбат, привез сменщика командиру роты Сулейманову. Сменщик лег за нами и от страха руками в земле каменной пытается что-то выкопать. Хотя нас от огня БМП закрывала. Он потом честно сказал, что ему страшно и Сулейманова не может поменять. Сутки его уговаривали – бесполезно. Думали, что от нас он уедет с позором. А через некоторое время случайно встретил этого офицера в Ханкале: он устроился направленцем от нашего полка в штабе группировки, принимает донесения, ведет учет. А Слава Сулейманов тогда раненый был, осколок в голове торчал.

Едва стих бой, вызывает нас командир полка. Приехали к нему с Петлицким – «Разведка донесла, что мост по дороге через ущелье под контролем боевиков, надо его сейчас взять», – сказал полковник Морозов. А мы уже двое суток на ногах, то шли, то на высоте воевали, устали до предела. Даже стоять не могут, не то, что идти куда-то. Разведчикам часов шесть отдохнуть бы. – «Давайте завтра, в шесть утра», – «Нет, надо сейчас!». Он просил, а не приказывал. С тяжелым сердцем отказались: не по силам тогда бойцам была эта задача.

Кто знает, если бы у разведчиков нашлись тогда силы идти, или у командования полка были бы для выполнения этой задачи другие солдаты, иначе сложились бы судьбы многих людей...

«ПОШЛИ РЕБЯТА НА ВЕРНУЮ ГИБЕЛЬ...»

Игорь Ткаченко, старший офицер минометной батареи, старший лейтенант:

– Наступило утро. Замерзли как цуцки, и сразу в жар. На наших глазах к месту, где мы вчера ставили минометы, подошла колонна машин. Впереди БРДМ-2 разведроты полка, за ними четыре ГАЗ-66 второй минометной. Встретил их зам. командира полка Дворников. Дворников помахал руками и... они поехали дальше. Поехали туда, где вчера не прошла бронетехника на мост через Алакскую. Пошли ребята на верную гибель. Почему так произошло – не знаю. Могу догадываться, что Дворников некорректно поставил задачу и Андронов его не понял, а дальше пошло-поехало. Прошло минут десять, колонна скрылась за поворотом, и начался бой. Рота Сулейманова мгновенно собралась, выстроилась в колонну и пошла на выручку ведущим бой разведчикам и минометчикам. Мы, офицеры и солдаты минометной батареи батальона превратились в минометный взвод третьей роты и, вместе с пехотой, на броне БМП и приданного роте танка отправилась к месту боя. Местность была очень сложная. Дорога за полем уходила вправо, затем следовал пологий спуск к мосту. Впереди мост длиной семь-восемь метров. Дорога сразу за мостом упиралась в отвесную стену высотой метров пять, резко поворачивала налево и оказывалась зажатой между двумя крутыми откосами. Ширина дороги сразу за мостом вместе с обочиной была метров восемь, затем дорога расширялась и метров через 30—40 выходила на поляну. Слева от нее была лесополоса метров двадцать шириной, за которой следовал спуск к реке, а справа большая поляна шириной метров 80—90. Поляна обрывалась в глубокий овраг, который уходил в село Махкеты.

Именно на этой поляне и разыгрались основные события того боя. Машины разведгрупп и второй минометной батареи успешно миновали мост и, когда головные машины вышли на поляну, они подверглись нападению с правой стороны. Нападавшие боевики обстреляли из гранатомета и стрелкового оружия первые две машины, которые вышли на открытую местность: БРДМ и первую машину минометчиков. В ГАЗ-66 ехал комбат Игорь Андронов. Три ГАЗ-66, не имея возможности двигаться дальше, были вынуждены остановиться и прижаться к стенке откоса. Минометная батарея второго батальона приняла бой.

Колонна третьей роты шла следующим порядком: впереди БМП Сулейманова, следом за ней танк с противоминными трапами, на броне которого расположились я, Лёша Зиновьев, Саша Савицкий и еще три-четыре бойца. За нами еще две БМП, броню которых облепили наши солдаты и мотострелки. Машина Сулейманова прошла мост, свернула налево и дошла до первой машины минометчиков, которая стояла в укрытии. Наш танк так же лихо пролетел мост, но при повороте зацепил тралом ГАЗ-66. Не обращая внимания на это препятствие, танк продолжал движение, двигая машину и нанося травмы бойцам минометки, которые укрывались под колесами машины. Танк продвинулся еще на пять метров и встал. Воздух был наполнен запахом пороха, соляры и крови. Всё вокруг было заполнено звуками непрекращающейся ни на секунду перестрелки, работой двигателей боевых машин, обрывками фраз, криками раненых и характерным звуком вылетающих из ствола минометов мин, это СОБ Валера Каблуков, командовал огнем двух минометных расчетов. Стреляли «с рук» без использования двуног, трубу держали с помощью гимнастерки, т.к. расстояние до оврага, в котором были боевики, не превышало и ста метров.

Как только танк встал, мы слетели с брони и оказались под огнем боевиков, которые закрепились на вершине той самой стены, в которую упиралась дорога, сразу за мостом. Позиция была просто идеальной для пулемета и гранатометчика, но, видимо, «прорыв» ГАЗ-66 без предварительной подготовки застал врасплох чеченцев и они не успели занять свои позиции, поэтому стрельбу вел один стрелок. Ответным огнем мы подавили огневую точку и стали продвигаться к Сулейманову. На малом клочке территории скопилось три ГАЗ-66, две БМП

и танк. Человек 50—60 личного состава и, как символ этих дней, корова. У всех этих людей были одни и те же задачи: прекратить сопротивление противоборствующей стороны, выручить своих ребят, которые находились под огнем противника и выжить самим. Надо было принять решение, от которого зависело, в чью сторону качнется чаша весов. Промедление грозило тем, что боевики могли нас обойти и ударить с тыла, сверху и сжечь нас дотла, всех до одного. Мы собрались у Славы, он раздал указания, кому что делать. Меня он отправил с шестью бойцами прикрыть левый фланг со стороны реки. Зиновьев с остальными должны были под укрытием огня минометов и БМП выйти на поляну и занять позиции в маленьком овражке. Как только пехота закрепилась на этой позиции, на открытую местность выходила БМП, закрывая собой ГАЗ-66 Андропова, и ведя огонь на поражение. Пехота, броском занимала позиции боевиков. Всё прошло как нельзя лучше, и через двадцать минут всё было кончено.

«ВОТ ДОРОГА, ТАМ ВАС ВСТРЕТЯТ...»

Игорь Андронов, командир минометной батареи 2-го мотострелкового батальона, старший лейтенант:

— К штабу полка наша батарея прибыла вечером 30 мая. Знал, что марш на Ведено должен был начаться в пять часов утра. Утром, в четыре часа, нас вызвал командир полка, его зам. полковник Дворников поставил задачу: «Вот дорога, там вас встретят, десять минут на сборы». Нам сказали, что кругом «духи», сверху – горы, только сзади нас морпехи прикрывали. Вероятно, еще вечером одна из мотострелковых пошла вперед, «духи» ее остановили, сожгли несколько БМП. В первой минометной батарее тоже сожгли несколько машины с БК, она осталась без боеприпасов. Батареей командовал Лёша Зиновьев, в Германии я у него был командиром взвода. Наша батарея тащила два боекомплекта, и я ему обещал дать мин из своих запасов.

Приказ на марш мне продублировал наш комбат Степаненко. Если бы дали координаты на карте, мне бы, как артиллеристу было легче, понятней, я по карте нормально ориентировался. Но в итоге оказалось, что взаимодействие между частями на марше организовано не было. Кто-то должен был нас встретить во время марша, но получилось так, что офицер дал команду сержанту, сержант – солдату, а солдат – пню.

Первым в колонне ехал БТР с разведчиками, я на ГАЗ-66 за ним. Проехали мост, выскочили на плато. У меня машина шла налегке, а вот следующая за мной везла БК, ехала медленно, она замедлила движение, отстала, и это, наверное, спасло остальную часть колонны. «Духи», когда увидели БТР и мою машину, подумали, наверное, что в колонне всего две машины.

«Я БЫ ИСТЕК КРОВЬЮ ЗА НЕСКОЛЬКО МИНУТ...»

– Сидел я в кабине, рядом с водителем. Первый выстрел «духов» из гранатомета попал в БТР, еще видел, как людей с брони скинуло. Дал водителю команду – «Налево!», к кустам, а он почему-то повернул вправо. Очередь из крупнокалиберного пулемета попала в лобовое стекло, и прошило его хорошенько. Я успел среагировать, а водитель – нет. Быстро выпрыгнуть из машины было невозможно. Меня пулеметная очередь в полете поймала, по ногам. Водила, Коля Абрамов, метрах в трех от меня под машиной, кричит, стонет, каска у него свалилась. Пуля попала ему в голову. Я не мог ему помочь – у меня второе, третье ранение, в ногу, в руку. Если бы перебило артерии – я бы истек кровью за несколько минут...

Подполз Гена Кислов, он ехал в кузове. Взял меня за руку, вижу, что он и сам ранен в бок. Я попросил пить, он за флягой потянулся, пуля флягу пробила, вода течет... Он пытался меня тащить, снял свой бронежилет, накрыл меня им, пытался еще сверху лечь. Взял меня за руку, прижал ее к своей груди, пуля прошила его руку, попала в меня, а ему еще и вырвало часть мяса из-под лопатки. Я думал, что он убит.

Бензобак у машины пробит, горючее течет, вот-вот взорвется... Повезло, что машина не взорвалась.

«ТАК НЕ ХОТЕЛОСЬ УМИРАТЬ...»

– Вижу, что Валера Каблуков, командир первого огневого взвода, ко мне подползает. Это перебежками шли на помощь к нам из второй машины. Меня пытались спасти пять человек, как я потом узнал, четверо были ранены, а один погиб.

Мне нельзя было терять сознание. Ноги были переломаны пулями, открытый перелом, кости торчат. Пуля еще и в позвоночник попала, в крестец, ног не чувствовал вообще. Так не хотелось умирать – мне же только 26 лет было... Но боли не чувствовал, только печёт. И промедола у меня с собой не было, он лежал в кабине, я как раз получил на батарею восемьдесят тюбиков. Дал команду Каблукову – «Ко мне не подползать!». Потом вижу, как одна БМП, на броне я видел ротного Славу Сулейманова, несется к нам на скорости. Еще подумал, что «духи» нас не убили, так свои раздавят. Сулейманов нас прикрыл броней от огня. Когда меня стали в десантный люк затаскивать, только тогда почувствовал боль. Потом каждый из ребят считал своим долгом воткнуть в меня свой тюбик промедола. В медроту Коля Звягин, зам. комбата, прибежал. Он меня нес на носилках, солдат шел впереди, споткнулся, уронил носилки, Коля его пинками...

«КТО-ТО В МЕШКЕ ШЕВЕЛИТСЯ...»

– У медроты стояли два вертолета, первый с «трехсотыми» улетел, а меня почему-то оставили на второй, с «двухсотыми». Может быть подумали, что я все равно не выживу... В вертушке гляжу – кто-то рядом в мешке шевелится. Это был Гена Кислов. Его упаковали в мешок, как погибшего... И в полку его тогда подали в списки, как «груз-200». Потом, спустя несколько месяцев, взводный нашей батареи Сергей Шашков мне рассказывал, он был дежурным по полку: «Поднимаю голову – стоит Кислов Гена. Я думал, что с ума сошел...»

Гена – из Смоленска, детдомовец. Это был рубаха-парень. Когда у него есть деньги – и друзей много, нет денег – все исчезают. Если он едет на такси, с него дерут три шкуры, и он не сопротивляется, в компании он всегда платил за всех. Бесшабашный, искренний, безропотный, безобидный. В Чечне он постоянно за мной ходил, как хвостик. Готов был пожертвовать всем. Воевал он в Афганистане, в Приднестровье, во второй кампании в Чечне. В Грозном его ранило в руку, он ее просто перемотал, в госпиталь не обращался, так ему ранение и не засчитали. Мы с ним в госпитале имени Бурденко вместе лежали. Там ему орден Мужества вручили. Пока он воевал и в госпитале лежал – дома дверь в его комнату разбили, вещи растащили. После войны он приезжал в часть, но меня как раз не было, и больше я его не видел.

Из журнала боевых действий:

31 мая. В течение суток подразделения полка вели боевые действия по освобождению н. п. Махкеты и Киров-Юрт. В 6:50 колонна автомобилей 2-й минбатареи при смене огневых позиций проскочила указанные точки и попала в засаду, была обстреляна интенсивным огнем из РПГ и стрелкового оружия со стороны бандформирований. Силами 2-й и 3-й мср огонь противника был подавлен. Личный состав и техника выведены из места засады. Имеются потери в личном составе, вооружении и технике. Бой продолжался до 10:00.

В период с 11:00, выполняя поставленную задачу, вели бой на окраине Махкеты подразделения 2-го батальона. Противник на окраинах подготовил хорошо оборудованные огневые точки. Ведется интенсивный огонь из РПГ и пулеметов. Подбита и сожжена БМП-2. После обстрела окраин орудиями БМП-2 боевики отступили в глубь поселка.

В 16:00 на позиции 1-го батальона вышли старейшины поселка для проведения переговоров. Достигнута договоренность, что боевики сдают Махкеты без боя. К исходу дня бандформирования по зеленке отступили в район Элистанжи.

Потери за сутки составили: безвозвратные – убиты сержант Гончаров, рядовой Абрамов, рядовой Аправдин. Ранены 13 человек. Пропали без вести – двое.

«А ПРОИЗОШЛО СЛЕДУЮЩЕЕ...»

Игорь Ткаченко, старший офицер минометной батареи, старший лейтенант:

– Просыпаться утром не хотелось, ворочался, ворочался и, как только я открыл глаза, на расстоянии вытянутой руки мимо меня бесшумно прошелестели колеса ГАЗ-66 в направлении «строго вниз». После короткой паузы раздался вопль «Ой, как больно», чей-то выдох «Твою ж мать!», а затем характерный удар машины о дерево и непрерывный звук автомобильного сигнала. Я снова закрыл глаза, представил себе как разбившийся водитель, навалившись всем телом на руль, жмет кнопку сигнала. Шум нарастал. Меня ждали великие свершения, пришлось вставать. Быстро разобрались с источниками шума. На дороге лежал контрактник со сломанными ребрами, и вопил от боли. Выдох «твою ж мать» был результатом коллективного творчества. А произошло следующее. Водители выполнили вечернюю установку – построили машины в колонну вдоль дороги. Так как дорога проходила по гребню высоты, машины поставили под уклон, на ручной тормоз, после чего водители пошли завтракать, а в это время сознательный контрактник, в должности заряжающего решил проверить уровень масла перед маршем. Дернув рукоятку, он откинул кабину ГАЗ-66, и тем самым снял машину с ручного тормоза. Машина медленно, но уверенно пошла под откос. «Контракт» схватил машину за колесо, пытаясь воспрепятствовать неизбежному, и получил удар по ребрам. Машина скадилась вниз и воткнулась в дерево. От удара замкнуло электрику, и утренняя тишина нарушилась воем автомобильного сигнала. Контрактника отправили в санчасть, а потом в госпиталь. Машину достали, осмотрели, заложили взрывчатку, грамм 400, приобретенную у саперов, подожгли фитиль и отправили обратно под откос. Время поджимало, возиться с машиной не было никакой возможности. Кабина разбита, передний бампер вогнут, колеса «в кучу». Отъездила своё.

К обеду мы были уже у Сержень-Юрта. Картина была впечатляющая: ни одного целого строения. Что там произошло, толком не знаю до сих пор.

«НИ НАВЫКОВ, НИ ОПЫТА, НИ ПОДГОТОВКИ...»

Сергей Кузнецов, оператор-наводчик БМП 2-й мотострелковой роты, сержант:

– Тяжело приходилось в горах. Утром холод собачий, днем жара невыносимая. При блокировании Ведено и Шатоя ребятам приходилось с полным снаряжением на своих двоих идти ночью без техники, чтобы «духи» раньше времени нас не обнаружили. Техника пошла на расвете, и когда мы догнали пехоту, я увидел, как несладко ей пришлось. Ночью с полным боекомплектом совершить марш-бросок в горы – это не прогулка по бульвару. Но поставленную задачу мы выполнили в срок.

Если бы нас в Чечню направляли после подготовки, потерь было бы меньше намного. Взять хотя бы меня. Восемь месяцев я служил по своей военной специальности, а прибыл в Чечню и первый раз увидел БМП. Ни навыков, ни опыта, ни подготовки...

В районе ущелья наша рота стояла на сопке. БМП по вине механика самопроизвольно, находясь под уклоном, начала движение и скатилась в зеленку. Спустились к ней, поняли, что поднять в расположение роты мы БМП не сможем. Время подходило к сумеркам, и решили до утра выставить охранение, так как машина была с полным боекомплектом и со всем вооружением. Утром на другой БМП, мы, группой в пять-восемь бойцов во главе со старшиной, через ущелье поехали к той БМП. В ущелье нас остановила группа чеченцев, до 30 человек, с оружием. Старшина, приказал нам приготовиться к бою и пошел к «чехам» на переговоры, чтобы те разрешили нам пройти. Ситуация разрешилась благополучно. Мы сняли с поврежденной БМП вооружение и боеприпасы, и уничтожили ее. А если бы нам пришлось вести бой с той группой, то исход его был бы непредсказуем: противник превосходил нас по вооружению и втрое по численности, а мы находились на открытой местности.

«ЗАШЛИ В ДОМ И НЕ ВЫШЛИ...»

Александр Дрозд, командир 4-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– В Махкетах, когда рота проводила там зачистку, «духи» захватили двоих бойцов из нашей роты. Они зашли в дом, и не вышли. Пошли их искать, в доме – нет, за домом – погреб, я туда, оттуда рой трассирующих пуль. Не знаю, как меня не задело. Дал команду командиру танкового взвода Якушеву: погреб уничтожить.

Спустя неделю пропавших бойцов, убитыми, нашли морпехи. Фамилии установили по запискам в гильзах в пистончике брюк. Один из них был Ильченко, второго – не помню. Погибшие были еще и заминированы... Мы их потом вертолетом переправили...

«ЧЕЧЕНСКИЙ ТАНК СТРЕЛЯЕТ...»

Александр Лягушкин, зам. командира 1-го мотострелкового батальона, капитан:

– Утром первого июня первым на мост пошел второй батальон. Наш батальон шел до этого первым, теперь в авангарде. Можно сказать – пассажирами. А во втором батальоне первыми успели собраться минометчики. Пока пехотинцы БМП заводили, имущество укладывали, батарея свои минометы забросила на прицеп к ГАЗ-66, и вперед. И напоролись на мосту на засаду. В каждой кабине головных машин по 30—40 пробоин от пуль насчитали.

На мост в ущелье мы выходили уже без приключений. Боевики обстреляли колонну минометной батареи и ушли.

Через несколько часов колонна полка достигла населенного пункта Макхеты. В том районе расположились до утра. Впереди дорогу пересекал глубокий и протяженный овраг. Инженерные подразделения мостоукладчиком через него вечером переправу положили. А нашей группе совместно с ротой Сулейманова поставили задачу ночью мост охранять, чтобы боевики не взорвали. Часов в пять утра со стороны боевиков неожиданно раздался танковый выстрел по району сосредоточения полка. Смотрим, из перелеска километрах в полтора от нас чеченский танк стреляет навесной траекторией. Пока наш приданный танк к ответной стрельбе готовился, чеченский успел три-четыре выстрела сделать и скрылся. В полку несколько убитых и раненых. И до Ведено еще километров десять.

Через мост на нашу сторону перебрались несколько наших танков и самоходных артиллерийских установок. Слава Сулейманов подходит к командиру этой бронегруппы: «Кажется, что танк боевиков ушел на левую высоту. Мы там дымок видели». Бронегруппа прямой наводкой в сторону высоты дала залп. А оказалось, что там по хребту опять десантников поставили, чтобы они охраняли полк от внезапного нападения боевиков. Выяснилось позже, что от залпа погибли капитан-десантник, командир блокпоста, и его связист. Долго нас потом десантники «добрым» словом поминали...

«МАМА, Я ЖИТЬ ХОЧУ...»

Вадим Рикун, зам. командира взвода, контрактник:

– По дороге на Ведено вообще творилось черт знает что. Старый комбат сменился. Мы его проводили, как полагается. Попрощались, а он нам и говорит: «Пацаны, новый комбат никакой. Сами решайте, как быть и что делать. Вы уже опыта набрались немного».

Вот и попали мы с новым комбатом... То у нас карта кончилась и никто не знает куда идти, а рации не берут в горах. То в засаду попадем... Как-то попали на дороге. Мы как раз с задания возвращались. Встретили батальон на дороге. Дело к вечеру. Нашли поле. Решили заночевать на нем. Нам говорят: «Идите, проверьте ближайшую высоту». Нашими непосредственными начальниками был замкомбата, по-моему, Саша Лягушкин и ЗНШ Юрка. Вот Юрка и говорит: «Не пойдем никуда. Мы только с гор спустились. Двое суток там ползали». Его послушали. Из-за чего нам повезло. Причем очень сильно. Если бы мы пошли туда, это был бы наш последний выход.

Отправили человек пять или десять с какого-то взвода. Ребята только начали подниматься на гору, а там «духи». Они открыли по ним огонь. Те назад, к нашим. А наши смотрят, кто-то стреляет и с гор бежит и – кто из чего – тоже по ним. Положили всех. Короче, кто успел, свалили с дороги. Кто нет – сожгли. Уничтожили машины командного состава, половину минометной роты, ПХД. Танки ушли вглубь поля с остальными машинами. Мы танкистам говорим: «Помогите огнем!». – «Иди нахрен! Нам еще на Ведено идти, ты заряжать снаряды будешь?»

Уже темнело. «Духи», как всегда, воспользовались своей тактикой. Сначала отвлекающий маневр, а потом с другой стороны во всю силу. Началась паника. Мне Юрка говорит: «Бери еще одного и ползи к дороге». Комбата нет на связи, его «бэха» горит. В батальоне неразбериха. Мы с Владом поползли к дороге. Влад был старше меня, прошел Афган, сам из Брянска. Вот и ползем. Ищем его. Подползаем к дороге. А наши танкисты, не разбираясь, кто там, начали из пулемета по нам. «Духи» увидели, куда они бьют, и со своей стороны тоже начали стараться. Спасла глубокая обочина. Там же нашли и начальника связи. Он нам и поведал, что комбат свалил с поля боя и сейчас уже, наверное, в полку.

Мы вернулись, доложили. Во время боя по рации на нас выходила дружественная нам Украина. Передавали нам «привет». Я чуть трубку от рации не сожрал от злости.

Кто куда стрелял – не поймешь. Мы с Владом залезли под БМП, сидим. Смотрим – паренек по полю боя идет, весь обгоревший. Из одежды – одни лохмотья. Мы к нему. А снайпера, суки, не подпускают. И в него не стреляют. Закидали его дымовухами, тогда только удалось подойти к нему. А у него болевой шок, бормочет: «Мама, я жить хочу...». Пока оттаскивали одного из наших, в ногу ранило. Но удачно, навывлет. По темноте собрали раненых, уложили, на броню, и в полк. Мы в сопровождении. Ехали без света. Не доезжая метров сто до лесополосы, попали в ров, БМП чуть не перевернулась. Сняли раненых. Я и еще несколько ребят остались охранять раненых и БМП, а замкомбата пошел с остальными в полк за подмогой.

«ПАНИКА НАЧИНАЕТ РАЗРАСТАТЬСЯ...»

– Тогда на поле я первый раз почувствовал на себе, что такое паника. Пока ждали на поле, кто-то что-то слышал. Начал всматриваться в темноту. Мне говорят: «Там «духи» на нас наступают. Я смотрю – никого нет, но паника начинает разрастаться. Я то ли слепой, то ли тупой. – «Ладно, – говорю, – Давай двое к лесу. Посмотрите, нет ли кого». Никто не пошел. Я разозлился: «Сидите, я сам пойду», так все сразу ломанулись за мной, побросав раненых. У тех истерика. Пришлось идти в зеленку всем вместе. Хорошо, там никого не было. Мои мозги понимали, что «духи» тоже люди и просто так они бегать за нами не будут. Но когда паника взяла верх, то я тоже стал видеть то, что мне и говорили. Только воспринимал это как галлюцинацию.

В лесу у одного из солдат началась истерика. Ему показалось, что где-то рядом наши. Он встал и начал орать: «Товарищ замкомбата, мы здесь!». Пришлось применять силу, чтобы успокоить его. Когда дождались подмоги, нужно было идти к «бэхе» встречать наших: они к ней поедут. А вдруг там и правда «духи». Попадут пацаны из-за нас в засаду. Говорю: «Пошли все, кроме раненых». Никто даже не шелохнулся. Пришлось бежать наобум. Подбежал к БМП – наши уже близко. Смотрю, у машины кто-то и вправду есть. Думал всё, хана. Достал гранату и вперед. А это оказались коровы. Подъехали наши. Я их встретил. Но от пережитого страха и напряжения не было сил залезть на броню. Отвезли раненых, вернулись обратно. Уже все стихло.

Утром пришли вертушки и обстреляли высоту. Наверное, там уже никого не было. Рано утром по туману остатки батальона пошли дальше. Впереди была какая-то речушка. Не знаю, кто послал машину ГАЗ-66 первой через мост. Но пацаны родились в рубашке. На мосту успели выпрыгнуть из машины. За мостом была засада. «Духи» охренели: кабина 66-го – в решето. В прямом смысле этого слова. «Духи» бросили все и свалили. А ребятам за их дерзость достался горячий чай и лепешки. Вот так и воевали...

«НАШИ ЖЕ БАЛБЕСЫ...»

Александр Лягушкин, зам. командира 1-го мотострелкового батальона, капитан:

– Потом пошли на Ведено, ни разу не соприкоснувшись с противником. Ведено взяли под контроль без единого выстрела. Когда забирались на высоты у Ведено, одна машина минометчиков слетела в пропасть и старший офицер батареи ногу сломал. У всех нас тогда было такое напряжение, что многие ему позавидовали, что он, пусть и со сломанной ногой, но отвоёвываясь. Потом узнали, что завидовать ему не стоило: долго ему ногу лечили, никак правильно не срасталась.

Комбат решил, что нужно съездить в Ведено, посмотреть там, что и как. Поехали по горной дороге, предупредили свои посты, что едем, и все равно наши же балбесы с одного блокпоста открыли по нам огонь из БМП. Говорят, что и боевики в этот момент по нам в деревне стреляли. У нас один солдат был тяжело ранен, загружаем его в десантное отделение БМП, я сам сел за штурвал, съезжаем в овраг, впереди ручеек, предполагаю, что мост не выдержит. Дал команду разведчикам с машины прыгнуть. Так и есть: мост правой стороной сломался под тяжестью брони, и машина перевернулась на башню. Раненый в десантном отсеке стонет, промедол ему вкололи, чтоб до врачей дотянуть, а тут еще и машина перевернулась... Раненого вытащили, на плащ-палатке донесли до другой машины, помчались к вертолету. Жив ли он, я не знаю, но парень прекрасный был, скромный, добросовестный. Машину вытащили через день-два, перевернули на гусеницы, сама завелась.

«ЕСТЬ АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ...»

Иван Н., «Гранит-44», механик-водитель:

– Взяв под контроль село Макхеты, через день пошли дальше. У нас был командир машины – контрактник, мужик в годах, с бородой. Не помню, как его зовут, но я его невзлюбил: любил он показать, что умеет все лучше всех.

Перед тем, как идти дальше, нас стали собирать в колонну. Мы стояли в таком месте, что если смотреть вдоль направления, куда мы должны были идти, то справа – гора, прямо – река. Дорога, чтобы выехать с площадки, одна, и мне нужно было повернуть налево для съезда. Когда нужно было повернуть, то машина отказалась это сделать, и шла только прямо и налево. Я сделал круг, этот «дед» давай на меня орать, что я во всем виноват, хотя перед этим машина крутилась, как надо. Я поднял ребристый лист моторного отсека, все проверил, все тяги работали, как положено. Поехал на второй круг, а все стоят, ждут, и опять то же самое. Когда доложили об этом ротному, то они ушли без нас, сказали, чтоб догоняли вторым эшелоном. Минут через пять послышались выстрелы. Нам сообщили, что колонна попала под обстрел. Стали срочно собирать подмогу, и тут у меня всё заработало. Когда мы подъехали на помощь, то уже всё закончилось. Были слышны только одиночные выстрелы. На дороге стояла сгоревшие БМП и ГАЗ-66 минометчиков. После этого я стал верить что, у меня есть ангел хранитель, который потом спасал меня не раз.

После обстрела один из минометчиков перед сном достал спальник, и когда его потряхнул, то там перекачивались пули. Весь тент ГАЗ-66 го был пробит пулями.

«НО СКОСИЛА МЕНЯ В ГРУДЬ АВТОМАТА ОЧЕРЕДЬ...»

Вадим Рикун, зам. командира взвода, контрактник:

– Как-то так получилось, что мы очень сдружились вчетвером. Влад, Серега из Брянска, Андрюха и я. Серега постоянно напевал свою любимую песню Петлюры: «Вот пройду я долгий путь, мне друзья пророчили, но скосила меня в грудь, автомата очередь».

Серегу потеряли при зачистке какой-то деревни. Проверяли все. Подвалы, дома. В одном из подвалов Серега с Андрюхой напоролась на «духов». Андрюха выскочил, а Серега не успел. Мы собрались, начали вести переговоры с ними. Мол, дадим уйти взамен на Серегу. А комбат этот новый послал бойцов к нам, те встали напротив нас, но с другой стороны дома. Мы этих вызываем на переговоры: «Выходите, не бойтесь!». Те только выходить, а наши спасители открывают по ним огонь. И так несколько раз. «Духи понимают», что им не выйти, решают бежать. Один выскочил, и в дом, а другой в лес. Его сразу застрелили. Этот в доме спрятался.

Когда Серегу вытащили, он был еще теплый. Весь в крови. Ноги были перебиты в коленях и развернуты пятками вверх. На животе и шее были сквозные отверстия от автоматного шомпола. Так как мы ходили в повязках на голове, ей его и задушили. Помню, кто-то залез в «бэху». Развернул башню и сровнял дом с землей, где прятался этот урод.

У меня была истерика. Я просто отошел подальше и орал во все горло. Во мне что-то сломалось...

Стали беспредельничать. Заниматься мародеркой. На войне все проходят через это. Только ломает каждого по-своему. К крови и трупам начали привыкать...

«РОДИНА ОТБЛАГОДАРИЛА...»

Александр Коннов, заместитель командира полка, подполковник:

– В конце мая меня заменили. В Москву прилетели самолетом, со мной было пять-шесть офицеров. На билеты от Москвы до Воронежа для всех не хватает денег. Собрали тушёнку, что брали с собой, пошел к начальнику смены кассиров на вокзале. Рассказал ситуацию, положил на стол тушёнку, деньги, что были. Женщина долго смотрела на меня, потом говорит: «Иди к кассе...»

Приехал в Воронеж на старое место службы, а должность мою сократили. Командующий 20-й армией генерал-лейтенант Чужиков говорит мне: «Плохо ты воевал, грубил. Увольняйся!». Отправил в СКВО своего зама по воспитательной работе полковника Пакина узнать, как я воевал. Генерал Трошев, когда узнал об этом, сказал им: «Вы сошли с ума! Отдайте его мне!»

В конечном итоге девять месяцев числился командиром танкового взвода. Надо было как-то жить – продавал машины, таксовал. Раз пять ездил в Москву на беседу в отдел кадров – «Нет для тебя ничего, все вакансии заняты!» Наконец, в марте 1996-го был назначен командиром танкового полка в Дзержинске. Пять лет командовал полком, четыре года – дивизией. В академию Генерального штаба не пустили – лишний!

Федор Сергеев, правовед полка, капитан:

– Вася Домнич, солдат-срочник, высокий такой, родом с Сахалина. Уезжал он по ранению. Солдатам-срочникам билет на самолет был не положен, а на поезде он на остров никак не попадет. – «Ничего не знаю, – сказали ему в финчасти, – Вот тебе проездные...» Тот стоит и плачет, бедолага. Выдали ему деньги за восемь месяцев службы в Чечне, но их не хватило даже на билет на самолет. Купил он билет только до Москвы... Вот как Родина его отблагодарила... Он еще ко мне домой заезжал за деньгами. На Сахалине как раз было землетрясение, ему так хотелось попасть скорей домой...

«РВАННЫЕ САПОГИ, И НИ РУБЛЯ В КАРМАНЕ...»

Александр Корнаков, контрактник, рядовой:

– Увольняли нас неохотно: все увольнения связаны с доукомплектованием личным составом и понижением репутации командования. Все контрактники увольнялись за несоблюдение условий контракта. Хотя само командование, в первую очередь, эти условия не выполняло. Когда начались ельцинские моратории, это всех достало. Федеральные войска разбили крупные группы боевиков и прижали их к горам, но кто-то решил дать им время отдохнуть, собраться и вооружиться. Пока продолжались моратории, они оборудовали укрепления, готовились к горной войне. Если бы в Москве захотели, эта война могла бы закончиться раньше полным разгромом боевиков. Все это недовольство политикой власти постепенно накапливалось, и я решил уехать.

Со мной уволился контрактник из Твери, и мы с ним из окопов в замызганной хэбэшке поехали домой. Требования на поезд нам выдали от Москвы до Новосомино. Когда мы прибыли на попутном чеченском автобусе в Грозный, то увидели контраст между ментами, летевшими домой, и нами. У ментов все обмундирование было новенькое, а у нас – зашитая и изношенная хэбэшка, стоптанные и рваные сапоги, и ни рубля в кармане. Мне было унижительно и стыдно, что армия не может обеспечить своих солдат и офицеров новой формой, чтобы они ехали домой как военнослужащие Российской армии, а не как бомжи. Ведь мы лицо армии! Взводный перед отъездом домой выменял у чеченцев новый камуфляж за две канистры бензина, а нам менять было нечего.

11 июня, по прилету в Моздок, мы узнали, что борта на Москву не будет, нет горячего, а завтра праздник. До Краснодара нас взяли на вертолет МЧС, а там начались «хождения по мукам». Комендант аэропорта послал нас на военный аэродром. Сказал, что оттуда летит самолет на Москву, и нас возьмут. Приехали на рейсовом автобусе туда, но там про нас ничего не знают, и никакого самолета на Москву нет. Приехали на вокзал. Пришли к коменданту и попросили исправить требование, чтобы взять билет, но комендант, лейтенант, сказал, что он нас на войну не посылал, и кто послал, тот пусть и исправляет. От него мы поехали к военному коменданту Краснодарского гарнизона. Но и там нам никто не помог. Только накормили на гарнизонной гауптвахте, и отправили на вокзал. Мы переночевали на автовокзале, где нас накормили простые люди, а напёрсточник купил бутылку водки.

Утром нас взял на автобус до Ростова водитель. Люди, которые ехали в автобусе угощали нас фруктами. В Ростове еще ощущается близость войны, и люди к солдатам относятся с сочувствием. Комендант вокзала выслушал нас, сразу выписал нам билеты, дал немного денег и посадил на поезд до Новосомино.

Деньги мы получили через день, но тоже пришлось ходить и просить. Приехав в Москву, а потом домой, я ощутил безразличие людей к этой войне. Они поют, танцуют, пьют, и им наплевать, сколько там погибнет людей, их это не касается.

Чеченского синдрома у меня не было. Мне кажется, что все это от слабости людей, которые свою несостоятельность списывают на войну.

Александр Лягушкин, зам. командира 1-го мотострелкового батальона, капитан:

– Жалею, что не получилось оформить наградные документы на наших бойцов. Все они были достойны высоких боевых наград. Штаб полка печатную машинку в батальон давал иногда, и то на сутки. За это время надо было успеть напечатать документы на людей от всех подразделений батальона. Написанные от руки наградные листы в штабе округа не принимались. А если и в напечатанных представлениях были ошибки, то и такие не принимали. Лейтенант Гордеев несколько раз отвозил в Москву представления на награды и рассказывал, что там,

в штабе округа этими документами комната завалена до потолка. Если они дойдут до комиссии при президенте РФ, а там числились деятели культуры, науки и прочих творческих занятий, то они решают, дать или не дать награду. Вот ребята и остались без заслуженных наград.

А в это время в госпиталях...

«В ПОЗВОНОЧНИКЕ ПУЛЯ ОСТАЛАСЬ...»

Игорь Андронов, командир минометной батареи 2-го мотострелкового батальона, старший лейтенант:

– Пока лежал в госпиталях, с июня 1995-го по 1999-й, четыре с половиной года, мне сделали больше пятнадцати операций. И это только под общим наркозом, по мелочи я и не считал. Практически только в 2003 году у меня закончилось восстановление. Ранения в ногу и в руку все были сквозные, а в позвоночнике пуля так и осталась до сих пор.

Помню, как попал в Ханкалу, там начались сильные боли. С аэропорта «Северного» повезли во Владикавказ. Там я очнулся, вижу, что мне скотчем приклеили к груди удостоверение личности и книгу штатного состава батареи, на ногу бирку повесили, как новорожденному или покойнику в морге. Снова потерял сознание...

Очнулся двенадцатого июня. Оказалось, что я в самарском госпитале. Лежу и вижу, как будто со стороны, как мне делают операцию... В этот госпиталь приехала моя жена, заходит в палату, смотрит на меня и спрашивает: «А где Андронов лежит?» Только тогда я понял, что на себя стал совсем не похож, если уж жена меня не узнала. Я тридцать килограммов веса потерял всего за несколько дней...

Из Самары меня ребята, Сергей Костюченко и Виталий Зябин, повезли на машине домой, в Новосмолино. Перед тем как ехать, медики сделали мне укол обезболивающего, но понимал, что его ненадолго хватит. Попросил ребят сначала заехать в магазин. Выпил пол-литра без закуски. На какое-то время хватило, потом еще... Дорогу на машине из Самары перенес из-за сильной боли очень тяжело. Наконец, подъехали к дому, открыли обе дверцы машины, и ребята из батареи меня тащат в разные стороны, за руки и за ноги...

Весь полк участвовал в моей судьбе, и генерал Колотило, и полковник Морозов навещали. Никто из ребят не остался безучастным, все помогали. Дочку в госпиталь привозили – я же ее не видел...

В госпитале имени Бурденко в Москве к нам в палату приходил министр обороны генерал армии Павел Грачев. Его порученец из свиты подал мне пакет с подарком от министра – «Вот тебе бутылочка, отметите с офицерами». – «А почему не солдатам?» – «Ну, солдаты...» – «Как людей на смерть посылать, так они нормальные, солдаты...» Смотрю подарок – там тельняшка, бутылка дешевой водки, «сникерс» и носки из армейского вещевого склада. Такой подарок, не солидный для министра обороны, я не взял. Лучше бы одну тельняшку подарили. Потом министр подошел: «Сынок, возвращайся в строй...» Я ему ответил: «Чтобы меня еще раз нае...?» Телевидение нас снимало, и ребята рассказывали потом, что эти мои слова записали. После такого разговора с министром врачи ко мне несколько дней не подходили.

Потом порученец министра обороны приехал, вручил мне орден Мужества и медаль «За отвагу», и говорит: «Выбирайте любой военкомат, где хотите продолжить службу», – «Это не моё, бумаги перебирать...». Как раз пришли Синякович и Звягин, стали обмывать награды.

Приезжали в госпиталь девушки, победители конкурса красоты «Мисс Россия», Одна девчонка села на койку к раненому, гладит ему колено, а дальше – ноги у него нет. Журналист ее спрашивает: «Вы готовы связать с ним свою судьбу?» Она не ответила. Но хоть не наврала. Жалко ребят... Одни от обезболивающих стали наркоманами, многие остались без семьи, или семья распалась.

Я судьбе благодарен, что после ранения не только ни одного своего товарища не потерял, но ещё больше их приобрел. Они привозили своих друзей, и те становились и моими друзьями. Беда проверяет друзей...

Когда мой выписной эпикриз посмотрел кто-то из врачей госпиталя, то сказал: «Иногда заключение патологоанатома скупей выглядит, чем твоя история болезни...»

Пятое лирическое отступление:

Петр Шашкин, командир 6-й мотострелковой роты, капитан:

– А это стихи, которые написал старшина нашей роты Андрей Извеков...

Горы, горы, снег на холмах,
Горы, горы, вершины в огнях.
Красный, зелёный, оранжевый цвет.
Когда же наступит тот чёртов рассвет...
А над дорогой летят трассера,
«Чехи» стреляют, идет здесь война,
И по утру расстреляли мы джип.
Только в эфире «Гранит» не молчит.
«Гранит-6», «Гранит-6», я – «Гранит»,
Доложи мне скорей, кто подбит.
А в эфире чёткая строка:
«У меня нормально всё, пока...»
Часто нам снятся родные края,
Листья берёзы и тополя,
Мирное небо, тишь и покой,
Ну, а сегодня «Гранит» ведёт бой.
Долго из дома к нам письма идут,
Матери, жёны и дети нас ждут.
Только мы сами не знаем, когда
Снова вернёмся в родные края.
«Гранит-6», «Гранит-6», я «Гранит».
«Гранит-6», «Гранит-6», я «Гранит».
А в эфире только тишина,
Пал «Шестой», не выпустил Хаттаб.

– Домой я вернулся только в ночь с 10 на 11 июня 1995 года.

А когда домой приехал, лёг спать в шесть утра и попросил жену разбудить пораньше, чтобы с ней и с ребёнком в магазин сходить. Она меня четыре раза будила. Первый раз говорит, что я что-то пробурчал, не открывая глаз, и дальше уснул. Второй раз сказал, чтобы Желудков шёл на совещание, в третий раз, говорит, что я сел на кровать и куда-то далеко-далеко послал всех чеченов вместе с их республикой, так и упал опять на подушку. Помню, проснулся, а передо мной дочь стоит, смотрит на меня и не понимает, что за дядька на маминой кровати лежит. А что я мог сделать, слёзы сами текли...

Из журнала боевых действий:

1 июня. Ночь прошла спокойно. Колонны полка, продолжая выполнять задачи, совершили марш из занимаемого района в район 3 километра восточнее Махкеты. В течение дня личный состав занимался инженерным оборудованием позиций, пополнением боеприпасами и ГСМ, обслуживанием вооружения и техники. В 18:00 позиции САДН и место расположения МПП (медицинский полевой пункт – **авт.**) были обстреляны танком противника с прилегающих высот. В результате убит 1 человек, ранены 5 человек. Уничтожено 4 автомобиля. У боевиков захвачен склад с большим количеством боеприпасов, взрывчатых веществ, медикаментов, медоборудованием. Сведений о потерях противника нет.

Потери за сутки: убитый – рядовой Абрамов. Ранены – майор Голубничев, прапорщик Гутор, рядовые Орунин, Стародубцев, старшина Малышев.

2 июня. Боевых действий со стороны противника не велось. К 14:00 прибыла колонна с полка, вышла тылами из старого места расположения. Личный состав продолжает подготовку техники и вооружения к выполнению задачи. Вертушки в течение дня обрабатывали склоны прилегающих высот. САДН обстреливал район, прилегающий к Элистанжи. Задача – выйти на рубеж оврагов вдоль реки Элистанжи и поддержать ввод в бой 1-го батальона. Подразделениям 1-го батальона, развивая успех, выйти в район Октябрьский и выйти в дальнейшем на рубеж кошара, отметка 708,2.

В ходе ведения боевых действий в районе Ведено колонна полка подверглась обстрелу. В результате уничтожен походный автоклуб.

У солдат и офицеров, кому выпало выжить, от этой операции остались свои воспоминания...

«ГОРЬКИЙ УРОК БЫЛ УЧТЁН...»

Николай Звягин, заместитель командира 2-го мотострелкового батальона, капитан:

– Зам командира полка подполковник Дворников дал указание командиру минометной батареи капитану Андронову сесть на ГАЗ-66 и выдвинуться в Элистанжи. Игорь поехал и попал в засаду, его ранило. Нельзя было ехать без разведки, без артподготовки. Надо было хотя бы фланги обеспечить.

Когда основные силы полка начали выдвигаться на Ведено, этот горький урок был учтен. Полковник Морозов принял решение провести артподготовку атаки, мы развернулись в боевые порядки, потом свернулись в колонну и прошли за Ведено на холмы. Закрепились на высотах.

В Ведено без боя мы зашли во многом благодаря местному населению. Они понимали, что наш полк – не звери. Зам. командира полка по воспитательной работе подполковник Гришин умело вел пропагандистскую работу: «Мы не уничтожать вас пришли, не унижать ваше достоинство, не мародерничать. Мы пришли разоружать бандформирования!». «Чтобы никакого мародерства!» – проинструктировали мы своих солдат.

Местное население в Ведено нам доверяло, как и в Гойтах, Гойском, Алхазурово, Комсомольском. Мы туда не заходили. И в Ведено – встали перед поселком и его не дербанили.

«ДЕСЯТЬ КИЛОМЕТРОВ ШЛИ ПОЧТИ СУТКИ...»

Вячеслав Сирик, командир 5-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– 24—25 мая я сдал замкомвзвода гранатометный взвод первого батальона и принял пятую роту. Несколько дней знакомился с личным составом, а 30 мая двинулись в сторону гор. После обеда вышли в район Сельментаузена.

Когда подожгли машину командира первого батальона, мы уже были там. Мне потом замполит Лобанов рассказывал про гранатометный взвод. Во время обстрела, когда заменщик капитана Сулейманова рыл ногтями окоп, старший наводчик АГС рядовой. Илясов (я о нем рассказывал раньше) с голым торсом запрыгнул на БМП и открыл огонь по боевикам из АГС, установленного на башне машины. Этот поступок солдата там взволновал замполита, что он хотел написать об этом статью.

Пятая рота развернулась фронтом в южном направлении в сторону Сельментаузена. Только мы остановились, как за боевыми порядками роты взорвалась осколочная граната СПГ-9. Осколками посеколо кабину и кунг санитарной машины батальона. Раненых не было. Затем прилетели два Ми-24 и открыли огонь в сторону гор. Оттуда к одному вертолету потянулась трасса пуль. Я видел, откуда стреляли, и из БМП мы дали две очереди туда же.

Ночь прошла относительно спокойно. Утром рота встала в колонну в ожидании дальнейшей задачи. Но наши минометчики решили покрыть себя славой и рванули в атаку впереди пехоты. Пока разгребали, что к чему, простояли часа два. Где-то в 12:00 я получил задачу лесом через горки обойти Махкеты, выйти к ним с северо-запада и не допустить отхода боевиков в лес. Мы прошли с километр, как поступила команда – обратно: по лесу будут стрелять вертолеты. А над нами как раз шум винтов. Метров пятьсот мы под горку бежали, как могли: в лесу вертолетчики не разберут, кто свои, а кто чужие. После уточнения решения командованием была создана группа под управлением начальника штаба батальона капитана Сергея Хохлова в составе четвертой и пятой спешенных рот. Задача роты состояла в захвате МТФ (молочно-товарная ферма – **авт.**) к востоку от Махкеты и удержании ее до утра, до подхода сил батальона. По карте до МТФ было около десяти километров (без учета подъемов и спусков).

Мы вышли в 18 часов. Шли дотемна, на одну гору поднимались на ощупь и когда нашли ровную площадку, остановились на ночевку. С рассветом мы пошли дальше и к ферме прибыли только после обеда. Так десять километров мы шли почти сутки. Батальон с техникой и без пехоты вышел туда раньше нас на несколько часов. Для боевиков это тоже было неожиданно, и они просто сбежали оттуда. На МТФ нашли склад: вооружение, боеприпасы, вещевое имущество.

«КОМАНДИР ПРИКАЗАЛ: «СРОЧНО ТУДА!»

Вячеслав Петров, зам. командира взвода разведроты, прапорщик:

– 30—31 мая мы получили задачу провести рекогносцировку в районе Волчьих ворот. Летали туда на вертолете с командиром полка. На следующий день здесь пошли десантники из Новороссийска, человек шесть убитыми потеряли, были и раненые. Было принято решение на Ведено идти через Шалинское ущелье. В колонне был один танк, я ехал впереди на БРМ. До Октябрьского и Сельментаузена дошли уже ночью. Наша колонна встала: начался обстрел, сначала с одной стороны, а потом и с другой стороны, из леса.

На следующий день командир полка поставил мне задачу: пройти вдоль леса к мосту. Пошли мы четверо. Стали подходить к мосту – вижу дом, у него вооруженные люди и БМП-1 стоит. Засада! Они нас заметили, обстреляли. Я об этом по радиостанции доложил командиру полка, он приказал отходить. Боевики вскоре после этого обошли и обстреляли батальон, две БМП взорвались, были раненые. Старший сержант Веслополов, командир взвода, получил приказ проверить этот мост. Пошли туда разведвзвод с помощником начальника разведки полка – он проскочил этот мост и стал подниматься на сопку. Их боевики сразу обстреляли, одну БРДМ подбили, второй – по колесам попало. За ними шла наша минбатарей. Командир полка мне приказал: «Срочно туда!» За нами пошла мотострелковая рота. Бой там идет – вовсю! Минометчики вели огонь не с плит. «Духи» вели очень сильный пулеметный огонь. Потом нашли одного убитого пулеметчика боевиков – он стрелял из немецкого МГ-42. У нас в этом бою были контужены один сержант и боец. Подошел к стоявшей БРДМ – гильзы кругом, колеса спущены, а людей никого нет. Второй БРДМ с дырой в борту завис над пропастью. И никого в машине! Заметил наших в ущелье, трое, раненые. Среди них был и Андрей Минаев, он был ранен в таз, и Андрей Ро, кореец-срочник, тоже ранен, он спрятался в ветках. Вытащили всех троих...

«МЫ ЛЕТЕЛИ ПО УЩЕЛЬЮ...»

Александр Корнаков, контрактник, рядовой:

– Утром второго июня позиции полка были обстреляны из минометов. Появились убитые и раненые. Парень-срочник, не знаю фамилии, пополз вытащить из-под огня раненого контрактника, но попал под пулеметный обстрел с нефтяной вышки. Он накрыл его своим телом и сам был ранен. Огнем БМП пулемет был подавлен, а прилетевшие вертушки накрыли огнем минометы «чехов». Всех погибших, а их было семь человек, и раненых увезли на вертолете в Грозный. Два взвода нашей роты прибыли в расположение основных сил полка. Остальные остались на месте. Здесь уже находился приданный дивизион «Нонок» 104-го полка.

Второго июня наш взвод занял оборону в поле перед горами, а ночью командир полка ставит ротному задачу: вернуться к началу ущелья, там днем перевернулся грузовик боеприпасов, собрать их и привезти. Ротный капитан Суровцев был человеком опытным и понимал, что послать туда машины, значит потерять их и людей. Десять километров ночью назад, где уже все подобрано «чехами» – есть риск напороться на засаду или заблудиться. Он посоветовал нашему взводному взять две БМП, проехать по позициям роты и снять с каждой машины по паре ящиков боеприпасов. Потом доложили в штаб.

Наутро наш второй взвод послали назад в район Шали, где находились тыловые подразделения полка, для сопровождения колонны бензовозов. Мы летели по ущелью на полном ходу, насколько это позволяла местность, чтобы не допустить прицельного выстрела из гранатометов, если где-то будет засада. Перевернутой машины с боеприпасами уже не было. С бензовозами мы вернулись назад в горы.

Весь полк двинулся дальше, а наша рота осталась для охраны снарядов для танков и САУ. С утра пришли машины за боеприпасами. Мы погрузили их, собрались в колонны и двинулись за полком. По дороге мы слышали, что впереди идет бой, а по рации узнали, что горят два бензовоза. Когда мы подъехали, скоротечный бой был закончен, догорающие бензовозы были сдвинуты танком в сторону. Дальше мы мчались по Махкеты, видел, как на дороге горели две БМП. У одной башня была оторвана и валялась рядом. Когда мы проезжали по селению, то почти на всех воротах было написано «Здесь живут наши». Потом было Элистанжи, где нам на броню сел какой-то чеченец с белым флагом и сопровождал через все село. Он просил не стрелять и уверял, что боевиков в селе нет.

«СНЯЛ „МУХУ“, ПРИЦЕЛИЛСЯ – ЕСТЬ!»

Андрей Цовбун, разведрота, рядовой:

– Шли на Ведено... Мы с командиром полка из-за отказа рации в БТРе пересели на «каш-ээмку» связистов. Вдруг нам навстречу колонна «духов». Наша машина шла четвертой. Разгорелся бой. Буквально в считанные секунды головные машины боевиков были подбиты, а из тех, что остались за поворотом, «духи» успели высадиться, и открыли ответный огонь. За рулем БМП КШМ был начальник связи полка, он тут же принял единственно верное решение: вывести командира полка в безопасное место. С нами на броне находились начальник разведки, сменщик начальника связи, внутри – два бойца-связиста. Мы с Эдиком прикрыли командира полка на броне, а он все пытался выглянуть из-за наших тел, что Эдик каждый раз пресекал, уговаривая его поберечься.

Через некоторое время наша «бэха» вылетает на гору. На соседней горе видно какое-то село. Вроде бы это было Дышне-Ведено. А нас всего восемь человек – четыре офицера вместе с командиром полка и четыре бойца. Начальник разведки прячет технику в овражке и распределяет нас в боевое охранение. Командир с биноклем и с офицерами связистами залегли рядом с КШМ, и отсюда с горы руководил боем, благо вид был, почти как на ладони. Мы же заняли позиции с противоположенной стороны – у Дышне-Ведено. Моя позиция была на стыке двух дорог, по одной мы поднялись, а другая шла к виднеющемуся впереди селу.

Сел я в зеленке среди камней, главное направление, обозначенное начальником разведки – дорога от села. Минут через пятнадцать слышу звук мотора, гляжу – «Нива» поднимается, за ней «Жигули». Отполз к дороге из кювета, саданул из подствольника, промазал – перед «Нивой» разрыв, они в кусты. Дистанция – метров триста пятьдесят. Вернулся на прежнюю позицию, жду. Проходит минут десять, тут слышу – заговорил пулемет Эдика, он от меня справа метрах в двухстах (этой же ночью примерно там же ранило Славу Петрова и Марика – Диму Огнева). Вдруг слышу слева от себя шорох травы, ну, думаю, все – началось, приготовился к бою. А выходит... корова. Чуть не саданул по ней, благо Зябин приучил открывать огонь в таких случаях лишь только по обнаружившей себя цели. Вдруг вижу, что замелькали головы, где я недавно машины спугнул. Опять к дороге, одна мысль не подпустить их к зеленке, где сижу, а то кранты. Делаю два выстрела из подствольника. Разрывы где-то рядом с «духами». Проходит где-то три минуты – тишина. Тут слышу гул БТРа, потихоньку оттягиваюсь назад. Выглядываю – вижу: идут наши, целая колонна.

Опять на прежнее место – сместился пониже, спрятался за дерево встал – вижу зад «Жиги». Снял «Муху», прицелился – есть! Пару очередей в ту сторону и к дороге, встречать наших. К этому моменту и у Эдика стрельба прекратилась. Выхожу к дороге, по которой наши идут, и тут до меня доходит: я же в маскхалате вышел из леса, «дух-духом». Чтобы меня не расстреляли свои, выхожу с поднятыми руками, демонстративно кладу автомат рядом с обочинной, отхожу от него и стою с поднятыми руками. Жуть – все стволы наших на меня! Подъехали, опознали, показываю жестом заму командира полка и командиру первого батальона, где командир полка, и обратно на позицию. Они мне дали в помощь трех бойцов. Через двадцать минут подошел лейтенант с взводом, я сдал позицию и пошел к командиру полка.

За эту заварушку командир полка представил нас с Эдиком к орденам Мужества, которые мы так и не получили, как и остальные награды, к которым были представлены. После этого боя я осмотрел КШМ, где мы с Эдиком навалились на командира полка, и насчитал двадцать семь отметин от попадания пуль. У меня отстрелили кончик каблука, у Эдика в заднем кармане разгрузки было два запасных магазина, один – в хлам.

И еще не раз командир полка шел впереди и непосредственно сам руководил боем на передовой линии.

«СНАЧАЛА ШЛИ, КАК НА ПАРАДЕ...»

Вячеслав Сирик, командир 5-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– Третьего июня мы ждали команду в готовности продолжать наступление на Ведено. С утра нам не повезло: чеченским танком был обстрелян штаб полка и первый батальон. Там погиб механик-водитель моей бывшей машины в гранатометном взводе. Наступление на час-полтора было задержано. Но потом поступил приказ, и мы пошли.

На поле перед Элистанжи вышли две роты – четвертая и пятая. Мы развернулись в боевой бронированный порядок, и пошли в наступление. Четвертая шла слева от дороги, а пятая рота – справа. По дороге двигалась колонна самоходок и управление батальона.

Сначала шли, как на параде, в одну шеренгу боевых машин. Но в самом Элистанжи строй сломался и мы перешли на взводные колонны. Огневого сопротивления в селе не было. Так мы прошли через все село. Но когда вышли на окраину, там был обрыв и одна дорога к реке, на этой дороге стояла техника артиллеристов и управления батальона. Но чтобы не получилось казуса, как с минометной батареей, когда она пошла в атаку раньше всех, необходимо было объехать артиллерию. Ширина дороги не позволяла проехать двум машинам. Но это уже был не январь, люди были совсем другие. Мой механик-водитель объезжал колонну фактически на одной гусенице, вторая шла по скале. На другой стороне речушки такой же подъем и выход дороги на поле. Там была неплохое место для танковой засады. Мы наступали утром, против солнца, и, подождя, когда на поле выйдет хотя бы одна рота, танк мог серией выстрелов уничтожить три-пять БМП и уйти. Я спешил один взвод и с ним мы, используя складки местности и кустарник, вышли в поле. Там мы ничего не обнаружили, и наступление продолжилось. Где-то через час мы уже были в Ведено.

В период с 30 мая и до 10 июня потерь личного состава в нашей роте не было.

«КАК В КИНО, С ПЕСНЯМИ...»

Андрей Гуляков, командир отделения 5-й мотострелковой роты, сержант:

– На Ведено пошли рано утром. Сначала стояли, ждали приказа, первыми выскочили минометчики, потом узнали, что 10—11 машин минбатарей въехали не туда, попали в засаду. Уцелевшие в засаде машины возвращались с пробоинами, у одной борт сзади был вообще оторван...

Наконец, и нам приказ на движение. Вел нас капитан Хохлов, на трех БМП, за нами САУ увязалась. Наверное, мы дороги перепутали, потому что Ведено насквозь пролетели, где-то под вечер. Проскочили поселок на броне, как в кино, с песнями. Помню, что у дороги стояли русские женщины. Влетели наверх, на соседнюю сопку, встали. А на соседней сопке мечется БМП с зеленым флагом на антенне. САУ, которая увязалась с нами, стала долбить по этой БМП, да так, что мы уши заткнули. Еще поспорили, на сигареты, попадет или не попадет. В САУ во время выстрела заряд наперекос встал, наводчику повезло, что боковой люк был открыт, и его просто выкинуло из башни. Когда дым рассеялся, вижу – стоит, оглушенный, чумазый, но довольный, что живой.

Промчались мимо на БТР морпехи с десантурой на броне – тельняшки нараспашку, красавцы, корреспонденты с ними, а мы стоим – грязные, уставшие.

Капитан Звягин кому-то орал по рации: «Вы что – охренели? Не стреляйте – там наши!». Встали «бэхами» под мост.

На следующий день спустились в Ведено. Пока капитан Хохлов куда-то ходил, мы со срочниками прошли пару домов. Нашли несколько мешков кукурузной муки. Утащить не могли, мешки разрезали, муку рассыпали, чтобы боевикам не досталось.

В школу пришли – там все классы были завалены – лекарства, обмундирование. В классах у боевиков был госпиталь. Одного чеченца там поймали, но отпустили. Ротному сказали, что в школе медикаменты, одежда. На досках мелом нарисовано: волки сидят за АГС и самолеты сбивают, арабские письма.

Дом напротив школы тоже был забит медикаментами. Что-то взяли себе, некоторые ребята виагры набрали целую кучу. Потом меняли ее на носки и варенье с соседними ротами. Такой базар у нас процветал – менялись, у кого что было на то, кому что нужно.

Эта операция на Ведено обошлась роте без потерь. Гладко все прошло. На старое место дислокации вернулись колонной. Не помню где – через гору лезли ночью, чтобы ущелье перекрыть, машины пошли по дороге. Снаряжения горного нет только верёвки, «кошки» из сучков дерева да штык-ножи в руках – чем можно было за землю цепляться. Спустились на ферму, а там склад «духов». Хорошо запомнились операционные столы, новые, пакетами обернутые, форма новая уложенная до потолка. Кто-то из срочников с пасеки мёду принес.

Из журнала боевых действий:

3 июня. Ночь прошла спокойно. В 6:00 выстраивающаяся колонна полка была обстреляна танком противника. Подбиты и уничтожены: БРМ 1-к, БМП-2. Убит 1 человек, ранены 2 человека.

В 6:30, выполняя поставленную задачу, подразделения 2-го батальона при поддержке авиации начали наступление на Элистанжи. Под воздействием интенсивного огня танков, ручных гранатометов, АГС, БМП и стрелкового оружия противника 2-й батальон, с минимальными потерями и, захватив н. п. Элистанжи вышел на указанный рубеж, тем самым вынудив противника отступить в направлении Ведено. Для развития успеха был введен в бой 1-й батальон, который успешно продвигаясь на северо-запад, подавляя его огневые точки и уничтожая технику, возглавляя основные силы полка, к 16:00 вышел в указанный район. Подразделения

полка заняли оборону. В дальнейшем, продвигаясь с боями в направлении Ведено, к исходу дня подразделения полка вышли в район изгиб реки и заняли круговую оборону.

Потери полка за сутки составили: санитарные – 2 человека. Убиты рядовые Поддубный и Ананьев. Ранены 6 человек. Потери противника за 3 июня составили до 100 человек, танков – 7 единиц, БМП- 2 единицы, УАЗ с радиостанцией – 2 единицы, ПЗРК – 2 единицы, минометов – 2. Пленных нет.

Примечание от Вячеслава Сирика: механик-водитель БМП гранатометного взвода 1-го батальона Ананьев – тот, кто в начале кампании не мог водить БМП. Ананьев после Ведено должен был быть уволен в запас. Он стоял у десантной двери БМП и погиб от близкого разрыва танкового снаряда.

4 июня. Ночь прошла спокойно. В 6:00 подразделения полка начали наступление. В 16:00 Ведено был взят. Боевики отступили в горы. Большая часть населения ушла с ними. Флаг Российской Федерации над Ведено водружен зам командира 2-го батальона капитаном Звягиным. Задача, поставленная командующим группировки МО РФ, выполнена.

Подбита и уничтожена БМП-2. В 7:00 выдвинулась колонна ТПУ из района высота... по маршруту Элистанжи – Октябрьский – Ведено. В ходе выдвижения колонна была обстреляна малочисленной группой боевиков из гранатометов и стрелкового оружия. Имеются потери в технике. Потерь в личном составе нет. При обстреле позиций из минометов противника ранен прапорщик Андрюхин Э. Г. С наступлением темноты боевики вплотную подошли к блокпосту разведроты и обстреляли его. В результате перестрелки противник отступил. У разведчиков двое раненых.

При разминировании местности обнаружено и уничтожено ручных гранат на растяжках – 9 штук, Ф-1 – 15 штук, несколько противопехотных мин и снарядов, ПТУР – 3 штуки.

Потери – 3 человека раненых.

5 июня. Ночь прошла спокойно. В 9:00 колонна штаба полка выдвинулась в Ведено в район телецентра. Во время выдвижения колонна была обстреляна. Подбит и свалился в обрыв топливозаправщик. Водитель остался жив. Боевым охранением была обнаружена и обстреляна колонна боевиков. Потерь за истекшие сутки нет.

Обнаружены тела пропавших без вести 31 мая: рядовые Червяков И. И., Ильченко А. Л. Оба военнослужащих убиты боевиками. Их оружие не найдено.

«ПУЛИ КАК ГОРОХ ПО БРОНЕ...»

Вадим Лященко, начальник связи полка, майор:

– Когда на Ведено пошли, командир вообще маршрут поменял. Вместо дороги, где блокпосты заранее стояли, мы по руслу реки пошли, да ещё и в полном радиомолчании. Поэтому и Ведено практически без выстрелов взяли.

Был момент, когда командир полка ко мне на броню пересел. А я как раз за штурвалом ехал. Боец, новый водитель, чуть два раза машину не разул, вот я и сел. Морозов командует: «Вперёд!» и оказались мы практически в голове колонны. Только с дороги съехали в пересохшее русло – на встречу колонна с «духами». Минуты две друг на друга смотрели, потом разведчики как врубили из всего что есть, да и мои телохранители не подвели. Я машину сначала под склон завел, а потом смотрю – всё равно как на ладони, и пули как горох по броне, и попёр на всём ходу резко в вверх, деревья машиной кладу. Выскочили практически к телецентру, спешились, залегли. Командиру связь дали. Потом разведка подтянулась, спасибо сказали мне, что командира из-под огня вытащил. Как-то не думал об этом...

Потом Коля Звягин подтянулся, я Серегу Досягаева с командиром оставил на связи, а сам со своими телохранителями на БМП Коли Звягина к телецентру помчались. Подъехали, а там «духи» что-то грузят. Мы с ходу постреляли и взяли телецентр. Проверили – там оборудование приёмное, спутниковое и телепередатчик. Потом забрали, на машину погрузили передали в Ханкалу на КП. Видеокассеты с пропагандой контрразведчики забрали – им нужнее.

«НАС ПОДГОНЯЛО КОМАНДОВАНИЕ...»

Вячеслав Петров, зам. командира взвода разведроты, прапорщик:

– На следующий день пошли дальше. В ночь встали под Октябрьским, здесь нас обстрелял блуждающий танк боевиков. К вечеру к нам пришел новый командир разведроты – капитан Чупенко. Капитан Зябин уехал от нас по замене.

В 5:00 вышли на исходный. На одной машине гусеницу порвало, у второй – перегрелся двигатель, встала. Я поехал впереди колонны полка на «бэхе». Конечно, был риск попасть в засаду, но нас подгоняло командование, и не полка, а группировки. Видел, как параллельно нам справа идут морпехи, а слева – десантники. Наконец – уперлись в Ведено. Взяли его без боя. Там гора полулысая – хорошее место для наблюдательного пункта, решили ехать туда.

Из Ведено вышли на асфальтовую дорогу. За мной шла КШМ с командиром полка, вдруг навстречу – УАЗ и ГАЗ-66 боевиков. Танк, который шел с нами, уничтожил УАЗ вдребезги. Начался бой. Старший сержант Веслополов сидел в башне БРМ, первым же выстрелом уничтожил кунг с боевиками. Прорвались мы на эту сопку, а следом туда зашел и весь полк. Потом командир полка полковник Морозов приказал мне взять мотострелковый взвод и свой разведвзвод и пройти к тылам полка, чтобы показать им дорогу к главным силам.

Я взял взвод в шестой роте капитана Шашкина. Спускаемся, в стороне вижу выхлоп, значит – машина. Я доложил по рации командиру полка, дал координаты, тут же это место обстреляла наша артиллерия.

«МЕНЯ В ГРУДЬ УБИЛО!»

– Мне дали приказ – организовать боевое дежурство вокруг расположения полка. Расставили посты. Со мной было всего четыре человека. В пяти-десяти метрах стоял пулеметный расчет от мотострелкового батальона и БМП. В два часа ночи слышу голоса, а мы не спали третьи или уже четвертые сутки. Пошел проверить с Дмитрием Огневым, парень был из города Артема, и только нагнулся к пулеметному расчету – осветительная ракета взлетела и очередь по нам. Меня откинуло в сторону. Огнев успел крикнуть: «Меня в грудь убило!» Чувствую, что рука у меня перебита, дырка в боку, заткнул ее пальцами. Граната на склоне разорвалась. Санинструктор стал меня перевязывать, я ему: «Скажи „Льву“, что „Рысь“ ранен». Перевязали меня. Быстро подошла сюда наша рота, командиром ее был капитан Сулейманов. Меня и Огнева положили на одеяла, и – в медбат.

То и дело теряю сознание... В живот пуля прошла навывлет, кость, вены, артерию пробило. Командир полка меня до вертолета проводил. Когда стали грузить, я за что-то рукой задел, и опять сознание потерял. Слышу, шумит вертолет, а пить хочется, нащупал на полу какую-то гильзу, кинул ее в дверь пилотам, вышел летчик: «Чего тебе?» – «Пить...» – «Тебе нельзя!». Положил мне в рот ватку, смоченную водой. В Грозном, в госпитале, хирург меня почему-то спросил, был ли я пьяным, когда меня ранило. Я ответил ему матом. Потом оказалось, что с хирургом мы почти земляки – он из Ростова, а я с Шахт.

Загудел Ан-12... Опять сознание теряю. Потом – палата, женщина сидит. – «Где я?» – «В Ростове, в реанимации». Но пулю из меня достали не тогда, а недавно, и сердечник ее до сих пор в руке остался. Наш первый ротный капитан Виталий Зябин привез мне в госпитале орден Мужества... В госпитале узнал, что 12 июня основная часть нашей роты погибла, в том числе и Саня Веслополов, Рома-механик, наш ротный Олег Чупенко.

Выписался из госпиталя в конце января 1996 года, в феврале вернулся в полк.

Роман Вищеревич, командир отделения АГС, сержант:

– Во время марша по горам на Ведено... Ранее утро, только заря загорелась – десантники бегут, в бронежилетах на голое тело. Вслед за ними выезжают несколько «Градов». А впереди на сопочке расположились подразделения нашего полка. «Грады» дали залп, первые ракеты пошли чуть выше, а нижние – прямо по сопке. Десантники – кто куда...

Иван Н., «Гранит-44», механик-водитель:

– Когда шли на Ведено – у меня заглохла машина. При этом, когда аккумуляторы были выключены, педаль газа работала, как только включал аккумулятор, она проваливалась на пол, и газ не работал. Я снял шиферку моторного отсека, у парней взял собранную из колец от ракетниц цепь и прикрутил к рычагу управления подачей топлива. Накрутил ручной регулятор газа до двух тысяч оборотов, завел машину и, как в детстве, когда порвется трос газа на мотоцикле, одной рукой рулил, другой давал газу, благо на БМП штурвал и можно одной рукой управлять. Как потом я выяснил, методом тыка, сгорел электромагнит привода педали, состоящий из двух частей соединенных планкой между штоками. Я просто убрал планку, и все прекрасно работало без неё до конца службы. В одном месте через канал или реку мы переправлялись по понтонному мосту. Все машины переправлял техник, так как перед этим одна «бэха» упала с моста и валялась на дне.

Взяв Ведено, мы пошли назад, через Шали, перед выходом из гор был бой. Когда я проезжал по улицам мимо сгоревших домов, то на склоне горы, увидел дерево, за которое зацепились остатки сгоревшего вертолета. Приехали опять к Алхазурово, оттуда пошли в горы. Пройдя половину села Дуба-Юрт, встали, потом я увидел, как стали подъезжать вернувшиеся машины.

Александр Суровцев, командир 2-й мотострелковой роты, капитан:

– Марш на Ведено... Шли по ущелью, сверху, морпехи шли снизу, а мы через Сельментаузен, по горам, и спустились в Ведено. Въехали без единого выстрела: боевики не ожидали, что мы зайдем сверху. Встали по горам, только Коля Звягин в Ведено спускался, флаг водружать.

Перед Шатойской операцией меня заменили. Колонна уже стояла в готовности идти по ущелью, но приехали сменщики. Передал им технику, людей. Немного не дотянул до полугода службы в Чечне.

«ВСЁ ГЛАДКО ПРОШЛО...»

Федор Сергеев, капитан:

– Под Ведено у нас все гладко прошло... Среди боевиков были у нас свои люди, приходили к нам и рассказывали, как и что. Командир полка полковник Морозов берет этого боевика, садится рядом с ним в машину: «Едешь со мной на рекогносцировку!».

В полку перед этой операцией были подготовлены штурмовые группы. Пока стояли перед Шалями в чистом поле, день и ночь готовились. Солдаты на дембель начали уезжать, но многие и остались. Помню, как солдат-минометчик Фокин сказал: «Я не уеду на дембель, пока сам „духам“ не отомщу». Были в полку такие солдаты, которые по лишнему месяцу переслуживали!

При выдвижении на Ведено полковник Морозов взял второй батальон, разведроту, несколько тыловых машин. Доехали до пионерского лагеря в Чишках и резко ушли в сторону и по другому ущелью, прямо по речке, пошли на Ведено. Оказывается, дорога была накатана. Впереди шла БРМ, в ней был всего один солдат. Когда полк поднялся наверх, боевики вообще ошалели.

В Сельментаузене первый раз захватили трофеи... Стоит огромная ферма, зашли мы туда с комвзвода Левковичем. Охрана разбежалась. Мины на окнах были, и не сработал заряд, как потом оказалось – сели батарейки. Стали разглядывать, что тут есть. Стволы к пулеметам запасные, палатки новые, боеприпасов – машин двадцать, выстрелы к БМП, РПГ, полевые кухни, котелки, обмундирование – от шапок до сапог, и все – турецкое. Операционные столы стоят, перевязочные пакеты. Мы просто обалдели. И все так аккуратно сложено... На столе стопочкой тетрадки, почитал, оказалось – пособия для боевиков, как проводить подрывы. Это была настоящая, огромная база. У нас в полку было всего четыре снайперских винтовки ВСС, патроны к ним – дефицит, а здесь этих патронов – сколько хочешь. У офицеров нашего полка пистолеты Макарова были 1965-го года выпуска, а здесь, на базе бандитов – все новенькие.

Рано утром, когда полк еще стоял в колонне, на пригорок вдруг выезжает «духовский» танк и делает три-четыре выстрела в колонну. Две машины разнесло, погибших – человек шесть-семь. И танк сразу же ушел. Вертушки подняли в воздух – нет танка, не нашли. Обнаружили его уже в Ведено, в центре, подбитый стоял, Т-80.

В Ведено, в школе, нашли еще один большой склад боевиков. Один класс под потолок был забит ящиками с минами. Во втором классе – радиостанции, в третьем – форма, в четвертом – сухие пайки, дальше – медикаменты Красного креста. Турецкая форма – штабелями, под потолок. Во дворе школы – новые машины ГАЗ-66, в них две «Стрелы» лежали. Все, что можно было взять, взяли, а остальное сожгли или взорвали.

В Ведено мы были всего два дня. Возвращались в Шали через Сержень-Юрт. Когда ехали, вдоль дороги в этом селе не было ни одного целого дома. Все село было дотла разбито. Оказалось, что у села бандиты сбили наш вертолет, один летчик остался в живых и попал в плен. Пытались его обменять на пленных – ни в какую не отдавали. Морпехи пытались отбить летчика – бесполезно. Потом два-три дня наши вертушки обстреливали этот Сержень-Юрт, парами. Били долго и конкретно...

«ФЛАГ НАД ВЕДЕНО ПОСТАВИЛ ЗВЯГИН...»

Юрий Степаненко, командир 2-го мотострелкового батальона, майор:

– Только вошли в Ведено – с первого выстрела танкисты, молодцы, какой-то УАЗик разбили. Постояли там день и ночь, и еще день.

Флаг над Ведено поставил мой зам капитан Звягин. Прилетал туда командующий группировкой генерал Куликов. Я не поехал, замкомбата туда послал. Да еще командир сказал, что мы Звягина представим к Герою России – вот пусть он флаг и ставит. Под Ведено я, как комбат, еще не состоялся. А мне командир полка пообещал наградной пистолет за эту операцию, но что-то не получилось

Звягин дело знал, толковый мужик, бесстрашный, он беспредельщик конкретный, ничего не боится. Он мог ходить по деревне без автомата, без охраны и построить всех «духов» и старейшин..

«НА КАЖДОМ ДОМЕ НАРИСОВАТЬ ЗНАК ПОЛКА...»

Сергей Лемешевский, офицер по общественным связям, капитан:

– Окопную правду про наш полк телевидение снимало редко. Помню всего лишь раз за четыре месяца моей командировки.

Поскольку министром обороны России был в прошлом десантник генерал Павел Грачев, то центральное телевидение больше старалось снимать репортажи про десантников. Считалось, что десантники – основная ударная сила, а пехота вовсе ни в чем не участвует...

Когда капитан Звягин первым вошел в Ведено, родовое село Басаева, он поставил задачу личному составу: на каждом доме краской нарисовать опознавательный знак нашего полка. На следующее утро весь полк выдвинулся в Ведено, чтобы стать лагерем на ночлег. Когда мы колонной подъезжали к Ведено, то сзади нас на бэтэрах неслись десантники. Они пытались водрузить свой флаг в Ведено, и это должны были запечатлеть телеоператоры центральных каналов. Согласовав свой маневр с командиром полка полковником Морозовым, я перекрыл единственную дорогу клубной машиной и стал ремонтироваться. Вся колонна ждала нас, пока мы снова не тронулись. В это время к 12:00 на вертушках в Ведено прибыли операторы центрального телевидения. Капитан Звягин их встретил. Именно капитан Звягин и весь личный состав усиленной роты не допустили боевых действий в Ведено до подхода основных сил полка.

«ДАВАЙТЕ НАИБОЛЕЕ ОТЛИЧИВШИХСЯ...»

Николай Звягин, заместитель командира 2-го мотострелкового батальона, капитан:

– Я стоял в помещении, где был штаб Басаева, он был комендантом Ведено. На его столе нашел приказы о мобилизации у местных жителей автотранспорта и сельхозтехники. Чувствовалось, что гражданское население Басаева боялось, он в страхе свой народ держал. И в то же время чеченцы боялись и нас.

Прилетел в Ведено на вертолете главком внутренних войск генерал-лейтенант Куликов. В парке, его еще Ермолов посадил, когда с Шамилем воевал, мы собрались со старейшинами. – «Ну что, ребята, мы взяли этот оплот, надо водрузить знамя, – сказал Куликов, – Давайте наиболее отличившихся». Морпех, десантник и я, от пехоты, водрузили на мэрии российский флаг.

На построении полка после взятия Ведено полковник Морозов объявил, что меня и капитана Хохлова представляет к званию Героя России. Не знаю, написали ли на нас кадровики наградной материал, но этим объявлением все и закончилось.

Сергей Лемешевский:

– Неоднократно капитана Звягина представляли к званию Героя России, но он был простым офицером из пехоты... А если бы журналисты вместо капитана Звягина сняли бы репортаж про водружение знамени в Ведено десантниками, то на сто процентов этому офицеру присвоили бы звание Героя России. Да и почти все заметки в газете «Красная звезда» были про десантников, редко вспоминали про нашу доблестную пехоту.

«НУ, БАБАХНУЛО И БАБАХНУЛО...»

Александр Глазунов, механик-водитель БТР:

– В Ведено, когда его взяли, еще поцапались с десантниками: «Мы должны были занять, а тут какой-то пехотный полк занял на сутки раньше...»

Полковника Морозова как раз вызвали в Ханкалу, награждать, увезли на вертолете. Меня отправили его встречать в Ханкалу на БТР. А мы как раз напились так, что меня еле подняли. Где взяли? Да по домам прошлись и нашли. Перед Ведено какую-то деревушку заняли, спустился по лестнице в погреб. Вижу – ниша, там чайник, керогаз. Лежат кинжал, патронташ и ружье. Я все это собрал, только вылез наверх и – взрыв. Сработало взрывное устройство, но с опозданием. Ну, бабахнуло и бабахнуло... А это ружье я какому-то офицеру на водку поменял. Я до БТР не дошел, вырубился, но меня подняли, за руль посадили, кнопку нажали, чтобы двигатель завелся, и поехали. Подъезжаем к Шали, а там же круговое движение, базарчик, на нас смотрят. Я вылезая, в босоножках на босу ноги, в балахоне. – «Ханкала – куда?» – спрашиваю. – «Туда». – «Солярка нужна?» – спрашиваю. – «Нужна». – «Деньги давай». На рынке как было: бензин, очень чистый бензин – значит, у военных куплен. Банки с ним стояли трехлитровые. – «А этот – российский».

Мимо Ханкалы едем, пива купил. Пили и коньяк с мухами. С Геной-пулеметчиком бывало, сядем, бутылочек семь водки распишем, что она там – градусов шестнадцать всего была.

«НАШЛИ СКЛАД С МИНАМИ В ШКОЛЕ...»

Геннадий Баженов, механик-водитель БРДМ-2 роты связи:

– В Ведено мы стояли в Доме культуры, напротив была школа, вернее то, что от неё осталось. Школа была обнесена каменным забором, на входе на территорию по краям забора находились каменные башни. Школа после попадания в нее авиабомбы состояла из двух частей.

В то время был приказ о наказании за мародёрство вплоть до расстрела. А нам, солдатам, это не докажешь. Мы, несколько человек, пошли по территории этой школы. Там были раньше здания интерната, как я понял, и в одном из этих зданий я нашёл около двадцати ящиков противотанковых мин в боевой готовности. В одной из башен был тоннель, уходящий вниз под гору. Там поставили растяжку и вернулись в роту. На походе к расположению навстречу мне идёт ротный. Я ему: «Так и так, товарищ капитан, разрешите доложить: нашли склад с минами в школе». Он сначала опешил, потом как заорёт: «Ты что – ходил мародёрничал?» – «Вы что, товарищ капитан, я смотрел боевую обстановку». Он успокоился и говорит: «Я тебя завтра привяжу к себе верёвкой, чтобы никуда не залез». Но к обеду мы уже пошли дальше в горы.

«ВОТ И ПРОГУЛЯЛИСЬ...»

Вадим Рикун, зам командира взвода, контрактник:

– Ведено взяли без боя, зато в рапорте написали, что чуть ли не в рукопашный бой вступали. Вообще мне нравилось смотреть, как все списывают. Технику негодную, например. Берешь какую-нибудь высоту, набиваешь технику тротилом и под громкие возгласы присутствующих спускаешь ее с горы, где она взрывается. Как писали отчет по продовольствию: «Прямым попаданием выстрела РПГ в машину обоза... Вань, вы сколько тушёнки в Грозном продали? А, понятно, ну, и я пять ящиков. Плюс сгущёнка. Три мешка гречки вчера пропили.... Понял... Итого: «Уничтожено десять ящиков тушёнки, пять – сгущёнки. Столько-то крупы...» И все счастливы.

В Ведено, пока все устраивались на высоте, мы берем две «бэхи» и в деревню, так, прибрахлиться. Район-то элитный. Для прикрытия взяли из пехоты несколько человек. Спустились в деревню, зашли сзади. Встали на дороге около двух домов. Мы-то разведка. Сразу с брони спрыгнули и разбежались по укрытиям. А пехота встала и кучкуется. А тут пацаны в прицел с наших позиций смотрят. Ни фига себе... Как и говорили, две «бэхи». Хорошо, стрелять толком не умеют. Первый снаряд в крышу попал. А второй прямо в толпу. Одному парню сразу обе ноги перебило. Ну, там еще кто-то с пулемета начал пристреливаться. Ранило еще троих. Повезло, что мы сказали стрелять в другую сторону от наших позиций. Вот и прогулялись...

«КТО ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛИТ, ТОТ И ЖИВ...»

Александр Корнаков, контрактник, рядовой:

– В ночь на пятое июня рота остановилась где-то в поле по обеим сторонам дороги. Стояла сильная вонь: в поле вверх ногами валялись трупы коров. От жары они раздулись. Коров, как всегда, было много, пасутся, как дикие.

Ночью наша авиация бомбила неподалеку, а наутро третий взвод был обстрелян из подствольников. Рота развернулась в боевой порядок и обстреляла из пушек и пулеметов зеленку, из которой предположительно велся огонь.

Когда полк занял Ведено, наша рота заняла позиции в районе телецентра. Внизу находилось Ведено. Там нашли танк Т-72 без горючего. «Чехи» бросили его, а наши саперы его подорвали. По рации нам сообщили, что в Ведено есть две БМП «чехов», и наших там нет. Смотрим, одна БМП едет вниз. Эдик, наш наводчик, прицеливается и кладет два снаряда рядом и два перед БМП. Те остановились, выпустили зеленую ракету (знак «свои») и начали связываться с ротным по рации. Потом Суровцев приезжал к нам, злой, наорал на Эдика. Хорошо, что Эдик не стал сразу их мочить. Откуда было знать, что командир третьего взвода решил «на разведку» съездить. А нас об этом никто не предупредил. Ведь на войне, кто первый выстрелит, тот и жив!

«МНЕ ХОТЕЛОСЬ ПРИДУШИТЬ ЕГО...»

Юрий Чепурной, 3-я мотострелковая рота, рядовой, контрактник:

– В Ведено колонна остановилась. Там я видел двух стариков. Казалось, что деревня пустая, но как-то не верится. Вышли на высокую точку. Не помню, сколько простояли там. Показалась машина в зеленке, и на нее такой шквал огня обрушили, а оказалась что это наша ГАЗ-66. Они не туда заехали. Мы-то знали, что наших там нет. Живы были в машине или нет – сказать не могу...

Через пару дней пришел старик: «Заберите солдата». Когда его принесли, он был завернут в фольгу, и без головы. Были смерти бессмысленные... Может быть, пошёл он на мародерку, а его и словили...

Когда спустились с гор и оставили позади Ведено, мы вышли из палатки – я, Андрей и Игорь Мареман. Решили искупаться. Когда проходили возле другой палатки, вижу, что там сидит одно тело. Тоже контрактник, со мной призывался, и разбирает «Муху». Говорю ему: «Ты идиот!» А он всем показывает, где взрыватель. Мы плюнули и пошли своей дорогой. А когда прогремел взрыв, мы туда прибежали и оказывается, что этот идиот кинул «Муху» в костер, и как раз солдатик подошел. Тут и прогремел взрыв. Мне хотелось придушить его... Этот солдат получил тяжелые ранения, не знаю – остался ли он жив.

В Ведено, пока стояли там на горе, пошли с Андреем-«Биг-боем» посмотреть, как и что. Поодиночке мы не ходили, прикрывали друг друга. В ворота домов мы не заходили: могли быть заминированы. Перелез через ограду – на земле труп опухший – чеченец убитый. В дом зашел – стоит на полу «дипломат». Думал, что с деньгами, а там одна порнуха оказалась. Нашли тогда мясо сухое – первый раз попробовал...

«ДУМАЙТЕ САМИ, ЧТО К ЧЕМУ...»

Вадим Рикун, контрактник, рядовой:

– У меня все воспоминания слились в одно... Так, отрывки всплывают некоторые. А когда и где они были, не знаю. Помню, как мы обиделись на нового комбата и высказали ему все. После этого он нас постоянно подставлял под обстрел.

Как-то зам. комбата Лягушкин нам дал приказ проверить одну деревню. Мы тогда удивились, что он как-то непонятно себя ведет. Зам. комбата говорит: «Вы дойдите до деревни, в нее не входите, так осмотритесь и бегом обратно. А я вас тут подожду». Ну, думаем ладно. Дошли до деревни. Вроде нет никого. Сели перекурить. Только закурили, и началось. Мы сперва думали, что это «духи» из минометов по нам бьют. А потом оказалось, что это десантники с другой стороны в деревню входили. А тут мы толпимся. Вот они и давай из «Нон» по нам. Лягушкин знал это, и чем может все кончиться, но у него приказ. А мы никак не могли понять. Надо было только дойти до деревни и сразу назад. Хорошо, что рельеф местности помог. Осколки то выше нас проходили, то ниже. Когда вернулись, Лягушкин подошел ко мне, спросил: «Все живы?» – «Да. А что?» Тогда он и сказал нам с Владом: «Приказ комбата. Он специально это сделал. В следующий раз, если идете одни, то думайте сами, что к чему.

Короче, у комбата сорвалось эта затея. Но мы как-то опять получаем новую задачу. Юрка, ЗНШ (заместитель начальника штаба батальона – **авт.**) говорит: «Идете одни, вчетвером, (я, Андрюха, Влад и Серега) на охрану моста. „Духи“ хотят его взорвать. Ваша задача: продержаться ночь и сохранить мост».

Ну, так как идем одни, то понятно, чьих рук дело. Да еще и четверо. Пришли в заданный квадрат, там небольшой мост. Как вчетвером его удержать? Да еще и ночью. По разные стороны не сядешь. Друг друга постреляем. Остались все вместе. Да и не так страшно. Понаставили везде сигнальных ракетниц. Выбрали позицию повыше. Окопались, ночью сработала одна сигналка. Остаток ночи мы тупо обстреливали все подступы к мосту и к нам. Благо набрали гранат ручных и для подствольника немерено. Да и на мне только было двенадцать рожков и один на автомате. Потом я пришил к ремню подсумок для ручных гранат, он был сзади, там три «эфки» лежало по бокам для подствольника, получилось два по пять. В порплете сзади две «Мухи». Цинк патронов калибра 5.45, штук пять «эфок», и еще десяток для подствольника. Килограмма два тротила. Плащ-палатка, веревка для преодоления арыков и крутых склонов. Два штык-ножа и один простой на поясе. Штык-ножи обычно применялись, чтобы по крутым склонам лазить. Две фляжки, обычно с водкой. Так как водой не напьешься. А водки меньше уходило. Приблизительно килограммов тридцать, тридцать пять, получалось. И почти у каждого так. Так что при правильной позиции нам сам черт не страшен был. Вот мы и куражились до утра. Потом, опять не помню, ушли мы куда, или своих дождались... Вот таким образом, как я понимаю, комбат хотел нам отомстить.

Помню еще какой-то мост. На нем лежал понтонный сверху, так как этот был наполовину разрушен. По-моему, зампотех командует движением. Встанет перед БМП и показывает: «Чуть левее! Чуть правее! Помаленьку на меня, нет, давай еще чуть правее!». Один паренек не выдержал, доехал до середины понтона, развернул БМП поперек, вылез и говорит этому регулировщику: «Если такой умный – сам перегоняй!».

«КОЛЯ, ДАВАЙ, ГЕРОЯ ОТРАБАТЫВАЙ...»

Юрий Степаненко, командир 2-го мотострелкового батальона, майор:

– Приходит команда с верхнего штаба, что полк морской пехоты застрял, не могут пройти, их «духи» бьют со стороны Шали. Мне задача такая: одну роту спустить с гор и вытащить морпехов на наши позиции. Говорю Звягину: «Коля, давай, Героя отрабатывай». Он берет четвертую роту, и пошел вниз. Зашел в тыл «духам», дал им как следует, и весь полк морпехов поднял на наши позиции. Мы снимаемся, полк морпехов становится на наши позиции, мы уходим, вниз спускаемся по этой же дороге на Шали, проходим через него полком, выходим между Старыми и Новыми Атагами, и там становимся лагерем.

Сергей Лемешевский, офицер по общественным связям, капитан:

– В Ведено были сутки. На ночь по приказу полковника Морозова на все канализационные люки в парке вся боевая техника стала гусеницами и колесами. Село было нам недружественное, и в люках могли прятаться «чехи». За ночь в Ведено мы все же понесли потери: одному прапорщику перерезали горло.

На следующее утро наш полк переместился к телевизионной мачте на сопку, и Ведено было у нас как на ладони. Когда подошли подразделения 506-го полка, мы передали им боевые позиции, и ушли под Старые Атаги на отдых и доукомплектование.

Какими они были...

Эдуард Андрюхин, старшина минометной батареи, старший прапорщик.

Родился 17 мая 1968 года в Ашхабаде. В школе занимался альпинизмом. Со 2-го курса Ашхабадского политехнического института призван в армию. Служил в Туркменистане. Институт окончил заочно, работая на вагоностроительном заводе, по специальности инженер-энергетик. В Вооруженных Силах с 1989 года.

4 июня под Ведено тяжело ранен – огнестрельное пулевое ранение шейного отдела позвоночника с повреждением спинного мозга. Почти два месяца врачи боролись за его жизнь, но безнадежно. У него остались жена и две дочери.

Награжден орденом Мужества и медалью «За отвагу», посмертно.

Николай Абрамов, рядовой, водитель.

Родился в 1975 году в Хабаровске. Учился в средней школе №51. Закончил СПТУ №7 и одновременно курсы водителей. Армейскую службу начал в одной из частей Дальневосточного округа. В январе 1995 года вместе с другими солдатами-дальневосточниками в составе 245-го мотострелкового полка прибыл в Чечню.

1 июня Николай вез боеприпасы для полка, готовившегося к наступлению. В районе поселка Ведено колонну обстреляли боевики. Один из снарядов попал в машину, которую вел рядовой Абрамов. Всего лишь месяц он не дожид до своего двадцатилетия...

Тяжело переживая обрушившееся на нее горе, мама Николая Валентина Георгиевна написала в комитет солдатских матерей: «Погиб мой родненький в День защиты детей – 1 июня 1995 года, прослужил в Чечне всего пять месяцев. После его гибели у него родился сын. Николаша очень любил жизнь, а тем более, когда узнал, что будет отцом. Но отец и сын никогда не встретятся».

Коля хорошо учился, и еще в первом классе он вывел в тетрадке такие слова: «Тот герой, кто за Родину горой. Для Родины своей ничего не жалеет». И это осталось в нем навсегда. Выполняя воинский долг, он отдал свою жизнь».

Посмертно награжден орденом Мужества.

Иван Поддубный, механик-водитель БМП.

Родился 29 января 1976 года в Хабаровске. Учился в средней школе села Князе-Волконское. После окончания школы работал в Чернореченском совхозе механизатором. С апреля

1994 года началась его служба в армии. А в январе следующего в составе сводного полка убыл в Чечню.

Родители Ивана не случайно дали ему такое распространенное имя: был в России известный богатырь Иван Максимович Поддубный, многократный чемпион страны по классической борьбе. Его тезке Ивану Васильевичу далеко до чемпионских титулов, но он был по-настоящему сильным духом. Многие его сверстники, получив среднее образование, глядят в будущее непременно через вузовские аудитории. Иван рассудил иначе. В школе его больше привлекали науки точные. Он был влюблен в технику и, окончив курсы трактористов-механизаторов, решил: «Остаюсь дома. Надо кому-то и землю пахать». И стал механизатором в Чернореченском совхозе. Взрослые с пониманием и даже с почтением отнеслись к такому решению вчерашнего десятиклассника. Но полюбившийся Ивану крестьянский труд был прерван призывом на военную службу. Через восемь месяцев службы рядовой Поддубный попал в Чечню. Там Иван сначала служил в разведроту, а потом командир полка взял его к себе водителем на БМП.

3 июня 1995 года колонну боевых машин, одну из которых вел Иван, обстреляли боевики. В этом бою рядовой Иван Поддубный был смертельно ранен.

Генерал-майор Юрий Сметана, начальник одного из управлений Дальневосточного военного округа, рассказал: «Я хорошо помню этого мальчика. Руки у него были такие – рабочие, как у настоящего работяги: мозолистые, крепкие. Сейчас такие руки – редкость у молодых. А у него – румянец на щеках, а еще – улыбка. Такая открытая, располагающая».

Иван очень верил в свою счастливую звезду. В одном из писем домой писал: «Говорят, что мы тут на три месяца, а может, и меньше. Так что, как уедем отсюда, сразу приеду в отпуск. А может, меня отправят снова в старую часть. Вы там не убивайтесь сильно. Думайте, что я просто служу в какой-нибудь другой части. Просто уехал в служебную командировку. А домой я приеду, уверен. И вы еще погуляете на моей свадьбе. Ищите заранее мне красивую невесту. Да смотрите, чтобы Аленка вперед меня не выскочила замуж.

Ждите домой. Ваш сын Иван. 31.01.95».

В Князе-Волконском живет семья Ивана: мать Вера Юрьевна, отец Василий Михайлович, сестры Алена и Анна. Как вечная память о сыне и брате остался у них орден Мужества, которым Иван награжден посмертно.

ГЛАВА 2-Я: «ДАЕШЬ ШАТОЙ!»

За день 5 июня 245-й и 506-й полки заняли селения Беной, Верхатой, Верхнее Ца-Ведено, Нижнее Ца-Ведено, а к исходу этого дня взяли под полный контроль участок дороги Сержень-Юрт – Харачой.

245-й полк от командования ОГВ получил приказ: к исходу 6 июня сосредоточиться южнее Старые Атаги и за двое суток подготовиться к новым боевым действиям. Но из-за дождя и тумана, резко ограничившими возможность боевого применения авиации и движение техники в горах, начало наступления на Шатой было перенесено на 10 июня. Эти несколько дней противник также использовал для подготовки к боевым действиям – укрепил занимаемые позиции, восстановил систему управления. Особенно интенсивно инженерные работы велись бандформированиями на подступах к Шатою. Разведке российских войск было известно, что где-то в районе Шатоя находится в эти дни и Аслан Масхадов.

Из журнала боевых действий:

6 июня. Ночью боевые действия не велись. Противник себя не обнаруживал. С целью подготовки к выполнению последующей задачи решением старшего начальника полку поставлена задача совершить марш и занять оборону в районе Старые Атаги. В 7:00 245-й мсп начал движение по маршруту: Ведено – Ца-Ведено – Сержень-Юрт – Шали – Чири-Юрт – железобетонный мост – лесопосадка.

В 13:00 основные силы полка достигли указанного рубежа. Во время движения подразделения полка дважды были обстреляны мелкими группами боевиков из РПГ и стрелкового оружия. Повреждено и уничтожено 7 автомобилей, уничтожен БРМ. Потерь личного состава нет. Противник действовал компактными группами и после обстрела колонны моментально уходил в горы.

В 16:30 боевое охранение в составе 4-й мср остается в Ведено для обеспечения безопасности. Ремрота обстреляла колонну противника, выдвигавшуюся в направлении Аши-Батой. Боевики понесли потери в живой силе и технике.

7 июня. Боевых действий со стороны противника не велось. Положение и состав подразделений полка не изменилось. Командующий группировкой поставил полку задачу на наступление в направлении Шатоя и в дальнейшем на блокирование этого н.п.

9 июня. Боевые действия со стороны противника не велись. Личный состав заканчивает подготовку к ведению боевых действий.

Командующим группировкой уточнена задача 245 мсп: полк ведет боевые действия по двум направлениям, имея конечной целью захват и блокирование района Шатоя. Первое направление: 1-й мсб имеет задачу выдвигаться до М. Варанды и, продвигаясь в направлении..., выставляет блокпосты. С достигнутого рубежа, используя успех, вести наступление и во взаимодействии с подразделением ВДВ занять Шатой и Халкинду. Второе направление имеет цель отвлечь боевиков от основного направления. Разведрота, усиленная мотострелковой ротой, имеет задачу вести наступление по Аргунскому ущелью, минуя Ярышмарды, Зоны и далее до Шатоя. Командир объявил боевую готовность.

10 июня. К 6:00 боевые подразделения сосредоточились в исходном районе для наступления в полной готовности для выполнения боевой задачи. Разведкой на маршруте движения обнаружены противотанковые рвы и многочисленные завалы.

Команда на начало наступления не поступала. Пленных нет. Потерь нет.

«ЖДАЛИ КОМАНДЫ...»

Дмитрий Никифоров, зам. командира взвода разведроты, сержант:

– После Веденской операции наш полк вернули на равнину. Мы стояли во втором эшелоне перед входом в Аргунское ущелье, ждали команды. После операции в Ведено в роте осталось около двадцати человек. Но убитых там у нас не было, только раненые. Правда, в роте говорили, что один из раненых умер по дороге в госпиталь. Ранен он был, когда нас обстреляли из «духовского» танка. Я в это время с нашей группой всю ночь прикрывал мост.

На равнине мы стояли почти неделю. Погода была отвратительная: постоянно шел дождь. Приехала первая замена офицеров. Новый старшина роты, ротный, замполит, начальник разведки полка. Только командир первого взвода никак не мог дожидаться замены. Он был очень грустный и уставший.

Рота пополняла боеприпасы. Старые, которые заржавели, выкидывали в арык. В роте у всех были автоматы, два ПКМ. Хотя в ротном обозе были винтовки СВД и ВСС. Сначала все новенькие, кто прибывал в роту, брали их, но после боестолкновений предпочитали все же автоматы.

«...А У ВАС НЕИЗВЕСТНОСТЬ...»

Андрей Бабкин, заместитель командира разведроты по воспитательной работе, капитан:

– В полк я был направлен из Кантемировской дивизии на замену. Вечером пятого июня догнал полк, он стоял под Старыми Атагами в лесопосадке. Замполит роты раз десять переспросил, точно ли я его меняю, а когда, наконец, поверил, то закричал от радости и куда-то исчез. Мы его не видели три дня...

Знакомиться с личным составом времени у меня не было: готовились идти дальше. В роте на тот момент из командиров взводов оставался один, да и тот уже собирался домой: у него истекал срок службы в полку. По негласному закону таких на задания уже не брали, поэтому мне в эти дни приходилось крутиться за троих.

Старшина роты Андрей, он был похож на Василия Теркина, подсказал: «Если себя проявишь, то и личный состав к тебе будет по-другому относиться. Наберись терпения. Неважно, что ты офицер, здесь все по-другому». Я это хорошо запомнил.

В полку были в основном контрактники, срочники только в ротах связи, ремонтной и материального обеспечения. А вот обеспечение мне не понравилось: ни нормальной еды, ни средств связи, ни вооружения. Бойцы подсказали: «Есть время – шейте разгрузку себе сами».

Десятого июня командир полка гвардии полковник Морозов ставит задачу: нам и приданной пехоте выдвигаться к Ярышмарды, далее – к Зонам, разведать дорогу и мост через Аргун. Вечером вдруг встречаю Сашу Лягушкина, однополчанина по Кантемировской дивизии. Разговорились, он сказал, что получил приказ разведать другой путь, с другой стороны Аргуна. Он был уже «стреляный воробей». Говорит мне: «Ну, брат, держись, по нашему направлению десантура пойдет на подмогу, а у вас – неизвестность».

Из журнала боевых действий:

11 июня. Ночь прошла спокойно. Подразделения находятся в полной боевой готовности. В 10:30 поступила команда на выдвижение полка в район н. п. Чишки. 1-й батальон, усиленный 1-м ИСВ с двумя установками ЗУ в течение дня выдвигался за 324-м мсп по маршруту н. п. Чишки и к исходу дня головой колонны достиг отметки 822,0, хвост – изгиб дороги. Движение дальше затруднено, дорожные условия крайне плохие. Колонна разведроты и 5-я мср, продвигаясь к н. п. Зоны, в 50 метрах от села были обстреляны в 14:00 из РПГ и стрелкового оружия. Противник вел огонь из хорошо оборудованных, заранее подготовленных огневых точек. Завязался бой, который продолжался до 17:40. Наши подразделения отступили, после потерь в личном составе и технике. Противник потерял до 15 человек.

Потери: убитые – рядовой Панфилов Р. С., мл. сержант Калинин М.В, 5-я мср. Ранены 11 человек. Пропали без вести двое – рядовые Литавр и Потелев.

Что было на самом деле за этими скуными строчками штабного документа...

«НЕЛЬЗЯ ИХ СРАЗУ В ПЕКЛО...»

Николай Звягин, заместитель командира 2-го мотострелкового батальона, капитан:

– Маршрут полка на Шатой по хребту мы разработали вместе с зам. командира полка Конновым, пока он еще не уехал по замене. Вместе там ползали. С инженером полка прошли, сделали завалы деревьев на ямах, чтобы техника могла пройти. Все детали обговорили с саперами, нанесли маршрут на карту. В общем, провели рекогносцировку маршрута. Я Шатой уже мысленно видел, как на ладони.

Вдруг ночью меня экстренно вызывает в свой кунг новый зам командира полка подполковник Дворников, мужик нормальный и толковый, и говорит: «В полк по замене пришли новые начальник разведки и командир разведроты. Надо тебе с ними пойти: они еще не адаптировались, нельзя их сразу в пекло». И идти мне предстояло не тем маршрутом, который я отработал и уже мысленно видел его. Там ночью по лесистым хребтам высадились десантники, у них были стычки, но они держались, молодцы.

Утром у штаба полка стоит колонна, готовая выдвигаться в Аргунское ущелье. Меня вызвал полковник Морозов: «Николай Михайлович, дорогой, тебя вызывают Булгаков и Трошев. Сейчас с разведротой по ущелью пойдешь».

Я до сих пор часто думаю об этом приказе... Зачем надо было идти по ущелью – понятно: отвлечь внимание противника от броска главных сил по хребтам на Шатой. Но меня не одного надо было отправлять в Аргунское ущелье, и не с другим подразделением, а со своей группой, с подготовленными ребятами, которые меня понимали с полуслова. У меня была группа в двадцать пять человек, я в них был уверен. Но в разведроте сменился командный состав, поэтому Морозов перестраховался и меня с ней отправил. Я не мог отказаться от этого приказа, хотя понимал, что он – грубейшая ошибка. Пошел я только со своим механиком-водителем Колюней. Жаль, не знаю его судьбу... У него в том бою был ожог глаз, потом вместе лежали с ним в госпитале.

«ЧЕХИ» НАС УЖЕ ПАСЛИ...»

Андрей Бабкин, зам. командира разведроты по воспитательной работе, капитан:

— Утром 11-го июня подходим к блокпосту 324-го полка. Обстановки там не знали, сами только что вышли на этот рубеж. Мы приняли решение разделить на две группы. Одна пойдет по дороге, другая поднимется на склон ближе к гребню высот. Буквально через двести метров натываемся на окопы полного профиля. Сколько же надо было труда, чтобы выдолбить их здесь! В окопах нашли харчи: десять килограммов замоченного шашлыка.

Сообщаем по радиации другой группе, чтобы были наготове. Метров через четыреста натываемся на голую скалу. Пройти ее можно, если подняться на 300—400 метров. Докладываем, что это займет много времени, да и снаряжения нет. Получаем приказ: «Спуститься!» Чувствую, что нельзя отсюда уходить, надо проверить склон. Но первая группа уже далеко, приказываю: «Спускаемся вниз!». Техника наша подошла, и мы, рассредоточившись, пошли по дороге в направлении на Шатой. Это была наша роковая ошибка... «Чехи» нас уже пасли. Когда мы пошли по склону, думаю, это было для них неожиданностью, поэтому они и оставили первые окопы.

Когда мы спустились, то проиграли сразу во всем. Через пять-шесть километров от Ярышмарды уже видим Зоны, мост через Аргун взорван. Докладываем об этом в штаб полка, идем дальше, в серпообразную зону – слева скалы высотой 10—15 метров, справа крутые обрывы, и Аргун. И тут началось...

«ВЫ ИДЁТЕ, КАК ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЁВР...»

Владимир Левкович, командир взвода инженерно-саперной роты, лейтенант:

– Дали команду: «На Шатой!» А мне должна уже быть замена... Думали, что дойдем до Шатоя, и – домой. Командир полка собрал нас, офицеров из передового отряда, поставил задачу: «Ребята, полк пойдет другой дорогой, а вы идете, как отвлекающий маневр». Старшим отряда был начальник разведки полка, Махамуджин Хаджимустафов, с ним – командир разведроты Олег Чупенко. Всего в отряде было человек сорок, в том числе со мной отделение саперов, человек семь. Нас придали на всякий пожарный, если придется что-то разминировать. Техники было – танк с тралом, он шел впереди, три БРМ с разведчиками, из нашей роты – БТР и машина ИМР (инженерная машина разграбления, на базе танка – **авт.**).

Дошли до Зонов спокойно. Встали, старший отряда стал думать, как идти дальше – по склону или по карнизу. Пошли по карнизу. Хотя если бы двоих-троих человек пустили повыше, по зеленке, могло бы все сложиться по-другому...

Времени было – около двенадцати часов. Началось все – сразу... Закружило и завертело... Огонь и сверху, и со стороны речки. Успел сориентироваться, что огонь против нас ведут одновременно стволов десять, метров со ста – из автоматов, пулеметов, гранатометов. Они видели нас, как на ладони. Шансов выиграть бой у нас практически не было... Три БРМ загорелись сразу, наш БТР – тоже. На потери мы, честно говоря, не смотрели, надо было куда-то спрятаться и вести огонь.

Хорошо сработал водитель ИМР, пацан-срочник. Он выставил вперед лопату ИМР, прикрывая ей разведчиков, отвел их за выступ скалы, потом технику горящую скидывал в ущелье, чтобы дорога была свободная. Я успел дать пару очередей, и меня ранило. В правую ногу – пулевое, навывлет, а в правую руку – осколок от выстрела гранатомета. Помогли мне разведчики, Олег Чупенко в том числе. Он меня тащил, метров тридцать было до речки. Сознание я не терял, помню всё, но всё было как в тумане. Меня сплавили по речке, привязали к палке и тащили по воде. То тонешь, то вроде вытаскивают... Помню, положили меня и других раненых под мостик, пролежали там часа три-четыре. Подошла БМП, меня туда запихнули. В десантных люках нас, раненых, было человек пять. Слышу, как на дороге лязгают гусеницы – это нам на выручку шла наша пехота, Коля Звягин. Думаю, что сейчас подъедут и заберут, выручат. Потом слышу взрывы, понял что «духи» их к нам не подпускают. Тут как раз начался обстрел и нашей БМП. Олег Чупенко стоял у машины, отстреливался, и в него попали две очереди. Начальник разведки успел за БМП заскочить, а Олег – нет, и упал. Из солдат здесь был только один механик-водитель, наводчик сидел в башне, отстреливался. «Бэха» сразу пошла в сторону выхода из ущелья. Убитого Чупенко забрали потом....

«НУ, ДУМАЮ, КОНЕЦ НАМ...»

Андрей Бабкин, зам командира разведывательной роты по воспитательной работе:

– Кого помню из тех, кто был со мной 11 июня: Гуменчук Виталий Петрович, Тверская область, Калязинский район, деревня Садки, он погиб 12 июня; Домарев Михаил Анатольевич, Белгородская область, город Валуйки, Новиков Алексей Викторович из Ярославля, погиб 12 июня, Шестериков Дмитрий Владиславович из Ярославля, погиб 12 июня, Киселев Геннадий Иванович, Московская область, Люберецкий район, Малаховка, Мищенко Сергей Константинович, Белгород, погиб 12 июня, Панков Павел Валерьевич, Костромская область, город Мантурово, Никифоров Дмитрий Владимирович, Москва, Пыриков Алексей из Вязьмы, Ярошук Александр, погиб 12 июня, Кучмин Роман, погиб 12 июня, Веслополов Александр, погиб 12 июня, Науменко Максим – погиб, Чупенко Олег, командир роты, погиб, Алексей Каракоцкий из Смоленска, Алексей Рейнгард, Игорь Пнёв, старшина...

Начался обстрел с трех сторон. В моей группе были, кого помню – Гена Киселев, Паша Панков, Дима Никифоров, Леша Пыриков и ещё двоих-троих разведчиков не помню. Начни стрелять они на несколько минут раньше – нас бы всех положили. Принимаю решение подняться на склон, благо было одно единственное место. Подсаживаем друг друга. Тут по нам уже начали бить из гранатометов. Кто-то из моих получает осколочное ранение по ногам. Я в это время лежу на краю обрывчика и затаскиваю раненого наверх, сил не хватает (рост у меня 170, вес 62 килограмма), а в разведке все от 180 сантиметров и выше, соответственно и вес. Пока я корячусь двумя руками, вижу, как с края дороги спокойно поднимается чёрт с гранатометом и целится в нас. Расстояние было – метров восемьдесят. Там был их «секрет», ждали нашу бронетехнику. Ну, думаю всё, конец нам. А руки не отпускаю с раненым. Повезло, что вторая группа скорей его засекла, наши открыли огонь, но чертила успел выстрелить, попал в осыпь, взрыв чёрный перед глазами, но руки я не отпустил. Тряхнуло конкретно. Ребята спустились, помогли затащить раненого. Ни у кого больше – ни царапины.

Рассредоточились, вторая группа отстреливается. По нашей технике из «чехов» никто не стреляет: надеются целой захватить. Вдруг я почувствовал на себе взгляды своих солдат и вспомнил ротного старшину. Командую: «Подниматься наверх, найти окопы и уничтожить там „чехов“!». Но одно дело приказать, а другое – сделать. Я пополз первым. Проползаем метров десять-пятнадцать, деревьев нет, один орешник да редкие кусты. И тут по нам сверху справа пулемет как начал мочить... Через пару минут нас ветками засыпало. Лёха Пыриков меня за ногу дёргает и шепчет: «Замполит, замираем, мы окоп их видим, пусть успокоятся». А те патронов не жалеют... Нам опять повезло: сектор обстрела они выбирали по дороге, а здесь небольшая мертвая зона. Лежим минут пятнадцать, не дышим. Вдруг Лёха меня снова за ногу дёргает и показывает знаками, что двое чеченцев идут к нам. Пыриков и Никифоров приподнимаются и мочат этих двоих. Успевают еще и береты с них снять. И тут по нам такой огонь открыли! Там у них этих окопов было понарыто...

Побежали мы в сторону дороги, где залазили. Выбежали к обрыву, метров десять вниз. Как раз там БМП наша. Все прыгают, а я мнусь. Кто-то кричит: «Давай!», и я прыгнул. Как ничего не сломал себе никто – поражаюсь... Мне опять повезло. Кто первый прыгнул, тому больше всех досталось – Пашке Панкову, ему обе ноги прострелили. Он упал недалеко от БМП. Никогда не забуду его взгляд... Я ещё наверху был, тут к Пашке Генка Киселев кинулся и кто-то ещё, затащили его за БМП. Не каждый бы под таким огнем отважился ползать...

После того как спрыгнул, побежал к обрыву в сторону Аргуна. Добежал, а там небольшая полоска между полянкой и обрывом, да и вторая группа уже прикрывала. Тут у меня стресс прошел, начало выворачивать, после взрыва выстрела из гранатомета голова как чугун-

ная была. Оказалось, что Димку Никифорова ранило, перебило кость плеча. Ему повезло: пуля попала дальше в «эргэдэ», разворотила её и повредила взрыватель. Если бы не граната, хана бы Димке... Поручили Димку мне. Перевязал его, гранату развороченную выкинул. Ну, чувствую, не боец я: контузия дает себя знать. Вижу, что часть нашей техники не успела втянуться в зону обстрела, и успела выйти из ковша. Но вот помочь она нам не может. Тогда еще старшину нашего сильно зацепило, но выжил.

И тут ещё проблема: связь! Наши рации не брали, повезло, что был с нами авианаводчик. У него станция мощная, сперва с летунами связывались, те с нашим штабом и обратно. А у чеченцев уже в то время была сотовая связь! В этом бою я убедился, что автоматы калибра 5,45 заметно уступают 7,62. В лесу четко видно, как сносит пули калибра 5,45. А пули 7,62 прошивали насквозь вместе с бронежилетом. Впрочем, их никто и не носил. Чеченцы были лучше вооружены, у них была лучше связь, экипировка и обеспечение.

«ЗАДАЧА: ДОЙТИ ДО МОСТА...»

Дмитрий Никифоров, зам. командира взвода разведроты, сержант:

– Одиннадцатого июня мы на двух БРМах выдвинулись в Аргунское ущелье. БРДМ роты остались на равнине. С нами поехали и БМП из первого батальона во главе с комбатом и саперы. Погода была без дождя, начало проглядывать солнце. Сначала нам поставили задачу дойти до моста через Аргун, проверить его состояние. Добравшись до передовых позиций, которые находились на окраине селения Ярышмарды, мы спешили и разбились на две группы. Первая, в которой шел и я, пошла вверх над дорогой, вторая – по дороге. Войдя в зеленку, на расстоянии двухсот метров от наших позиций, мы наткнулись на свежерытые окопы. Около окопов лежали продукты. Поняли, что перед нами здесь были «духи». Я с Пыриковым двигался впереди группы. Шли медленно. У меня был бинокль и все впереди, что вызвало сомнения, через него хорошо просматривал.

Уступ, по которому мы двигались, понемногу поднимался вверх и вот уперся в скалу. Чтобы идти дальше, нам надо было подниматься вверх, в гору. Начальник разведки полка принял решение: идти по дороге. Пошли по дороге. Дошли до моста, он находился внизу ущелья и был взорван. Стали возвращаться обратно.

Когда уже ехали по Ярышмарды, по нам начали стрелять. Выстрелов было не слышно, только пули свистели. За Ярышмарды стояли наши батареи САУ и «Грады». К нам подошел генерал в камуфляже. Офицеры доложили ему обстановку. Генерал сказал, что теперь нам надо идти дальше до Зонов, а перед этим наши проведут артобстрел. Скоро батареи открыли шквальный огонь, только стреляли они не туда, куда мы должны были идти, а по другой стороне ущелья.

«ОТДЕЛАЛИСЬ ЛЁГКИМ ИСПУГОМ...»

Андрей Бабкин, зам. командира разведывательной роты по воспитательной работе:

– Спасла нас матушка-пехота... Ребята они были уже обстрелянными, и конечно, командиры с опытом. Полковник Морозов четко командовал, как будто был с нами. Начальник разведки полка Миша Хаджимустафов, командовал второй разведгруппой. Пехота на большой скорости подъехала как можно ближе к нам, мы по команде побежали к БМП, там уже никто патронов не жалел. Кстати, никто очередями в этом бою не стрелял, только в исключительных случаях. У пехотинцев, которые прорвались к нам, одного ранили, одного убили. Мы начали отступать, никто не метался. Прикрываясь БМП, организованно отошли. В этом опять заслуга командиров групп.

В общем, отделались лёгким испугом. По прибытии в пункт постоянной дислокации доложили, что в Зонах обнаружен оборудованный опорный пункт чеченцев, но сверху его можно обойти, а снести его – при поддержке артиллерии. Но нужно два-три дня на подготовку.

«ОТКУДА СТРЕЛЯЛИ „ДУХИ“ – НЕ ВИДНО...»

Дмитрий Никифоров, зам. командира взвода разведроты, сержант:

– Пошли на второй заход. Сразу пошли по дороге. Шли медленно. Слева – отвесная скала, вверх метров пятнадцать, справа – ущелье уходит вниз на 20—30 метров. Вот впереди показались первые строения. В этом месте склон начал опускаться. Решили опять разбиться на две группы. В момент, когда мы разошлись, по нам со стороны Зонов выстрелили из гранатомета. Я в этот момент был у склона. Высота была до подбородка, сразу не залезть. Граната разорвалась прямо подо мной, я на склон залетел вместе с разрывом. Одновременно подбили последнюю машину, которая шла за нами.

На горе начал работать пулемет «духов». Моя группа поднялась на склон в зеленку, заняла круговую оборону. Напротив меня метрах в пятидесяти, а может быть и ближе, вылез «дух» и начал звать своего по имени. Трава в этом месте была очень маленькая, но мы почти все были в масках, поэтому он никого из нас не увидел. Потом «дух» опять нырнул за бугор. Я показал знаком своим, что буду стрелять. Через полминуты опять появился «дух». Я, аккуратно прицелившись, выпустил очередь. После этого наша группа поменяла позицию: отошли немного назад и поднялись выше. В это время стрельба со стороны противника усилилась. «Духи» пытались стрелять из гранатометов по БРМкам, но машины стояли для них неудобно: все выстрелы летели мимо.

Мы заняли новую позицию. Лёха Пыриков и Гена Киселев лежали напротив ложбинки, по которой на них сверху вышли два «духа». Наши ребята одновременно из двух стволов их уничтожили. Снизу послышался крик начальника разведки: «Как у вас дела?» Отвечать ему никто не стал. Глупо было себя раскрывать: мы не знали, что может быть над нами. Потом слышим: «Спускайтесь вниз!» Стали спускаться. Высота обрыва склона была около трех метров. Мы начали прыгать вниз и перебегать дорогу. Двое, Гена и Паша, побежали под углом дороги, и попали в сектор ведения огня пулеметчика «духов». Гене пуля прошла между мышцами живота и кожей, а Паше пробило обе ноги.

Мы заняли оборону на краю обрыва и стали вести огонь по зеленке. Откуда стреляли «духи» – не было видно. Можно было только догадываться. Сзади нас на другой стороне ущелья была площадка с большими валунами. Если туда забрался бы «дух», мы у него были бы как мишени в тире. Я сел на дерево, которое росло на краю обрыва, и стал в бинокль рассматривать другой берег. Рядом пулей срубило ветку, но я не придавал значения. А через несколько секунд пуля пробилла мне руку на уровне плеча и застряла в гранате с детонатором, которая находилась на разгрузке на груди. Повезло, что не взорвалась. Я сполз с дерева, мне перетянули руку жгутом. Кто-то забрал порплет с гранатами для подствольника. Гранаты все были разбиты осколками. Когда залезал на склон и взорвался выстрел гранатомета, порплет висел на бедре и осколки ушли в него, только мелкие попали в ногу.

Комбат по рации вызывал помощь. Помощь пришла, когда стало уже темнеть. Мимо нас проехал по дороге танк, но сразу вернулся задним ходом. Видно было, что в него стреляли не один раз из гранатомета, он весь дымился. «Духи» перестали стрелять, может быть, потому, что в темноте их было видно хорошо.

«РУКУ МНЕ ПОРВАЛО, А ДОЛЖНО БЫЛО СЕРДЦЕ...»

Николай Звягин, майор:

– Только перед самым выходом познакомился с новыми начальником разведки полка и командиром разведроты. Не успели обсудить ни маршрут, ни позывные, ни что делать, если попадем в засаду. Стартовали от Волчьих ворот, идем колонной по ущелью, я на третьей машине. Прошли Ярышмарды. Перед Зонами – поворот, я видел, что там заминированная дорога, удобное место для засады. Идем, метров триста не дошли до Зонов, – вдруг по первой БМП выстрел из РПГ, солдаты выскочили, разбежались по сторонам. Стало ясно, что боевики нас здесь ждали, наблюдали за нами. Нам надо было действовать осторожно, на мягких лапах пройти, тихо, а пошли по дороге, как банда самураев, да еще на технике. Первая машина подбита, ущелье узкое, на дороге – затор. Пытаюсь связаться по радиостанции с командиром полка, что попали в засаду – батареи начали садиться. Я уже через ретранслятор на полк выходил, своя рация не тянула.

Мне надо было хотя бы два часа, чтобы проинструктировать личный состав роты, и надо было идти не одним маршрутом, а двумя-тремя. Первый я бы запустил по дороге, прижимаясь к горе, как к стеночке, второй я бы пустил по горам, и третий – по за Аргуном. И эти три группы шли бы не на технике, а пешком, цепочкой по пять человек, перебежками, и параллельно. Тогда все было бы по-другому и с минимальными потерями. Если по нам открывают огонь, даем артиллерии указания, направление – даем арт-огонь, вызываем вертолеты.

Но – засада. Тут же вышел по рации на Морозова: «Прикройте огнем!», в ответ – «Колюня, держись! Я рядом, терпи!...». Надо было вытаскивать пацанов из подбитой БМП. Сориентировался: против нас два-три снайпера, один гранатометчик, автоматчики, всего – человек 10—12. Вокруг лес и горы, мы у них как на ладони, все пристреляно.

Когда выстрел из РПГ попал в БМП, я своему Колюне-механику говорю: «Двигатель не глуши», наводчику-оператору: «Веди огонь в этом направлении, прикрой меня». Я выскочил из БМП, но огонь был такой плотный, что пули под ногами стучали, пришлось спиной прижаться к горе, в мертвую зону. Наводчик-оператор начал стрелять, я побежал к подбитой БМП. Одного пацана раненого вытащил, второго. Когда вытаскивал третьего – снайпер, падла... Пуля в руку. Метил в сердце, а я как раз тянул на себя раненого и рукой сердце прикрыл. Мое счастье, что я был в бушлате, а там вата, чуть-чуть смягчила удар. Руку мне порвало, а должно было сердце.

Я был на ногах. Руку мне ребята перетянули сразу. Сначала промедол не делал, боль терпел, потом бойцу говорю: «Коли!» Один укол, второй...

«ЭТО ЖЕ ПУЛИ ИСКРЯТ!»

Роман Вищеревич, оператор-наводчик АГС, рядовой:

– С капитаном Звягиным меня судьба свела как раз после кичи. Тогда он взял меня, одного из провинившихся, в разведку. Как потом понял, мы прикрывали саперов – они разведывали проходы. Шли на БТР и двух БМП-1, и только подошли к дороге, как в борт БТР ударили из «шайтанки» (РПГ – **авт.**). Сразу все рассыпались, завязался бой. Звягин перебежал через дорогу и упал за бугорок, стреляя из подствольника. Слышу – зовет: «Давай, тани гранаты на подствольник!» Бегу – вижу искры под ногами. Сначала не понял, еще мысль в голове: «Что-то у меня с сапогами...», потом врубился – это же пули искрят! Отдал Звягину гранаты, упал. Впереди пулеметчик, разведчик, здоровенький такой хлопчик – ведет бой. Взрыв гранаты и его подбрасывает, наверное, на метр. В таких случаях много здоровья – это хорошо. Вижу его лицо, впечатление было, что он пьяный. Но это его так контузило. Из боя он не вышел, пока не была дана команда на отход. Получилось так, что я запрыгивал в десантный отсек БМП, машина резко дернулась, и я промазал. Если бы не Звягин, который ухватил меня за ворот куртки, я бы остался под пулями, которые колотили по броне. Помню, и благодарен ему...

«ЕСЛИ ШЛЁПНУТ, ЗНАЧИТ ШЛЁПНУТ...»

Андрей Гуляков, командир отделения 5-й мотострелковой роты, сержант:

– Одиннадцатое июня... Утром нас построили. В роте тогда было чуть больше половины, чем положено по штату. Половина строя стоит веселая, естественно, хотя водки не было: срочники с минного поля собрали коноплю и сделали из нее кашу. Это нормально было, если сильно не злоупотреблять, то не вредней водки.

Со срочниками в роте к этому времени я уже хорошо знаком был, но все же больше общался с ребятами из разведроты: там и контрактники были адекватные, и командир роты хороший.

Моя БМП в колонне роты, как обычно, была замыкающей. В колонне стояла не только наша рота, много нас было, и первый батальон рядом стоял. Двинулись, потом мы налево, а другая часть колонны направо, и опять наша машина оказалась последней.

Разведка в засаду первой влетела. Нас спасло, что впереди от попадания выстрела из РПГ встала БМП, частично загородила нашу от обстрела. Мы, когда обстрел начался, человек десять нас сидели, скатились с брони, но один срочник уткнулся в башню – убит снайпером. Наводчик-оператор стал пушку наверх поворачивать. Вижу, что падает срочник, наш ротный писарь, звали его Гарибальди. Я его поднял – пуля попала в шею, стал бинтом перевязывать. Только успел бронежилет перевернуть сзади на перед, потому что стреляли сзади, как пуля попадает Гарибальди в руку, стал бинтовать – ему еще пуля, в ногу... Не знаю, остался ли он жив, когда его вытащили...

Стрельба по нам шла со всех сторон, откуда огонь – непонятно, не видно. Еще кто-то упал, одному контрактнику пуля в подбородок попала, пытался ему помочь – испачкался его кровью. Сергей Каркулевский (фамилию точно не помню, срочник, потом уже в Шатое подорвался на растяжке – весь в осколках в вертушку грузим, а он мою руку не отпускает) с Ромкой из Серпухова стреляют рядом...

Танк с тралом мимо задом едет, горит... Одна «бэха» стала нас объезжать – выстрел в машину, и солдат с брони взлетел, как чебурашка. Подбегаю к нему – живой, только спиной сильно ударился. Потом его уже с ранением другие ребята унесли.

Выстрел из «Шмеля» попал в дверь десантного отсека БМП, отскочил и упал рядом со мной. Кто-то из срочников смотрит: «Что это такое?» Только успел скинуть его с дороги, повернулся – взрывная волна. Осколков у выстрела огнемета нет, но сшибает здорово. Кинуло меня нормально, на брюхе на дереве затормозил. Потом ребята смеялись...

С Ромкой Панфиловым пошли вперед на дорогу, чтобы прикрыть ребят, которые начали вытаскивать раненых. Ромка внизу сел, а я поднялся наверх, чтобы отсекал от зеленки тех, кто к раненым подбирался. Меня с дороги не видно было. Ромкин пулемет замолчал, значит – опять полезли... Погиб Ромка... В память о Роме Панфилове назвал своего сына Романом. Я схватил свой ПК за цевье, а ствол горячий, прикипел, ленту на себя накинул... Бородатые появились неожиданно, быстро, человек три-пять, одной очередью их свалил, потом парень из разведки их доколотил.

Слышно по рации: «Перед нами „дух“ стоит с граником!» По этой БМП выстрел из РПГ был с близкого расстояния. Зацепило люк механика, выстрел ушел в сторону, но люк механика заклинило. Гоша из башни вылетает, начинает прикладом отбивать люк механика, чтобы его вытащить, от удара люк открывается, и Гоша механика в горячке бьет по голове...

Слышно, как капитан Звягин, раненый, громко на кого-то кричит... Говорили потом, что многие в Аргун прыгали, но из нашего взвода никто не прыгал.

Даже Грозный в 96-м году так не воспринимался – все горело, дымило... Машины наши быстро пожгли. Непонятно, что творилось. В какой-то момент рядом со мной бабахнуло, оглу-

шило. В Зонах – наш ротный сидит около остановки, рядом валун какой-то. – «Гуляков куда ты пошел?» – кричит мне. А я ориентир потерял, куда-то пошел в самый лес, в гущу боя, на стрельбу. Думаю, если шлепнут, значит шлепнут... Я уже вообще ничего не соображал... Где-то в этот же день пришлось ехать под БМП на ремне от автомата, когда вокруг стреляют...

«УЙТИ МЫ НЕ МОГЛИ...»

Николай Звягин:

– До шестнадцати часов здесь сидели, на месте засады. Заняли круговую оборону. Уйти мы не могли: настолько боевики все пристреляли. Да и взаимодействия с полком не было. От командира полка одно: «Колюня, держись, терпи, я рядом, терпи.» Наконец, показались вертолеты, и как начали их бить, по полной программе. Вертолетов бандиты боялись. Потом начала работать и артиллерия. Я потихонечку корректировал ее огонь, переносил его в глубину. Потом начальник штаба батальона капитан Сергей Хохлов пришел к нам из полка, он шел с пятой ротой, обогнал нас, под прикрытием огня артиллерии ворвался в Зоны и занял там оборону.

Впереди за Зонами стояла подбитая машина, дорога явно была боевиками заминирована. Надо было пускать вперед танк с тралом, но это же время... Перед этим должна была быть артподготовка.

Роте Хохлова надо было закрепиться в Зонах, и вдруг приказ: «Уходить!». Нельзя было уходить! Надо было подождать танк с тралом, дать ему возможность пройти, чтобы он не давил раненых на дороге. Это была грубейшая ошибка – приказать уйти из Зон роты Хохлова.

Задачу отвлечь внимание боевиков от движения основных сил мы выполнили, в это время второй батальон Степаненко пошел по хребту. Они пошли красавцами, я им там весь маршрут подготовил, и Шатой взяли без единого выстрела.

В этой отвлекающей операции в Аргунском ущелье все совпало, как нарочно плохо: шел процесс замены офицеров, мне не дали времени на инструктаж отряда. В Уставе написано: уточнить полученную задачу, а потом принимать решение. Мы за это невыполнение Устава заплатились кровью...

«МЫ ИГРАЛИ РОЛИ МИШЕНЕЙ...»

Вячеслав Сирик, командир 5-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– С утра 11 июня рота стояла в колонне, в готовности к наступлению на Шатой. За день-два до наступления нас доукомплектовали личным составом из 205-й мотострелковой бригады. Конкретную задачу я не получал, но думал, что рота будет где-то во втором эшелоне, так как перед наступлением три БМП я передал в минометную батарею для установки на них «Васильков», и одна машина из состава управления роты ушла с капитаном Звягиным в передовом отряде. Из одиннадцати БМП у меня осталось семь.

Ударной у нас была четвертая рота – ее усилили танками, зенитчиками («Шилки»), огнеметчиками. У меня во взводах были по две БМП.

Где-то ближе к полудню я узнал, что наш передовой отряд в районе Зоны попал в засаду. Ко мне прибыл начштаба батальона капитан Хохлов и сказал, что я получаю на усиление танк и выдвигаюсь вместе с ним в район Зоны. Он ехал в голове колонны роты. За ним выдвигался второй взвод в качестве ГПЗ (головная походная застава – **авт.**) – это был единственный взвод с командиром офицером, первым и третьим командовали замкомвзвода – потом танк, далее моя машина командира роты, первый и третий взводы.

В районе Ярышмарды местные жители нас провожали ехидными улыбками. Когда мы подошли к селению Зоны, по нам открыли огонь. Первыми выстрелами были убиты рядовые Атесов, Незамайков, Калинин. Дорога была узкой, и маневрировать не позволяла. Слева была скала, а справа обрыв и Аргун. Мы уперлись в горящие машины передового отряда. Я видел свою горящую машину из управления роты, на которой уехал Звягин. Пройтись вперед, и выбить боевиков не было возможности, мы стояли и вели дуэльный огонь. Только боевики это делали из укрытых и замаскированных позиций, зачастую недоступных для ведения нами огня из тяжелого вооружения, а мы находились как на тарелочке, да еще и не могли никаким образом маневрировать. Проще говоря, мы играли роли мишеней в тире. Перед моей БМП находился танк и три БМП второго взвода. Эти БМП стояли под скалой, и огонь по ним не велся, в то же время и они его вести не могли. Командир танка, высунувшись из люка, открыл огонь вверх из пулемета, но, получив в ответ гранату, скрылся в люке и больше не показывался.

Вокруг моей машины собралась пехота из второго взвода, отделения управления роты. Мы огрызались огнем из всего доступного вооружения. Прицельно стрелять не получалось, так как противник вел огонь из зарослей, и мы не могли засечь его огневые точки. Пока мы стреляли «в том направлении», противник молчал, но только мы прекращали огонь, чтобы понять, откуда стреляют, как из поросшей лесом скалы вылетали выстрелы РПГ и пули.

Я пытался выйти по связи на командира полка и запросить огонь артиллерии, но из-за гор связи не было. Приходилось и лично вести огонь по противнику. У меня на командирском люке БМП был установлен АГС-17. Я расстрелял весь БК гранат к нему и фактически все, что было из автомата. Рядом появились легкораненые – в основном осколками камней, по которым попадали пули. Крайняя БМП в колонне периодически увозила раненых в тыл. В один из рейсов в ней не закрыли десантную дверь, и ее оторвало во время движения. Потом на БМП подъехал командир батальона и дал приказ готовиться к отходу. Я начал разворачивать технику на месте, продолжая вести огонь. Потом когда собрали раненых и отошли разведчики с инженерами, мы отошли в расположение полка.

«ВСЁ ГОРИТ, ПУЛИ ЛЕТАЮТ...»

Юрий Степаненко, командир 2-го мотострелкового батальона, майор:

– Капитан Николай Звягин пошел в Зоны с пятой ротой, там они нарвались на засаду и их начали крошить. Звягина ранило в руку, он до конца боя остался, потом я их вытащил.

Там излучина, с трех направлений их били. Командир полка по радио кричит мне: «Отводи войска!», но у Звягина это что-то не получалось. – «Посылай начштаба!», – приказывает Морозов. Начштаба у меня уже был назначен, Сергей Хохлов, потом в Забайкалье полком командовал. Он в бой-то влез, с взводом, из пятой роты. Только заскочил в бой, и его БМП сразу подорвали. Он был живой, но и эта подмога тоже завязла. По связи все кричат, орут. В эфире – каша.

Командир полка подходит ко мне: «Ну что, Юра, иди ты, выведи батальон оттуда, на исходный рубеж». Вывести людей надо было к плотине через Аргун.

Я попер туда с гранатометным взводом. Приезжаю – там ужас, такой ад, что страшно даже рассказывать... Все горит, пули летают. Я спешиваю свою пехоту, гранатометный взвод остался на башнях БМП, но стрелять не могу: только сунусь, меня «духи» сразу обстреливают из гранатометов. Безвыходная ситуация была. Из пушек БМП тоже не могу стрелять: высоко – пушка вроде бы забирается, а тут склон мешает.

Принимаю решение спешиваться и с гранатометным взводом бегу вперед. БМП стоит на дороге, вижу, как в нее выстрел из гранатомета летит, и как даст! Взрыв, меня бросает на скалу, осколками посекло немного. Вижу, что у моего бойца с радиостанцией осколок у уха торчит. Я вытащил, пальцем ранку придавил. – «Ничего страшного, нормально» – говорю ему. Лежим. Я не вижу поля боя, а это для командира как серпом по яйцам.

Командую: «Перебегаем дорогу и – в Аргун, в ущелье, там сможем закрепиться!». Перепрыгиваем через дорогу, а за нами остались четыре «бэхи», они так и стоят сзади на связи, бесполезные. Остались там механики и наводчики, чтобы огнем поддержать хоть каким-то. Прибегаем под огнем на место, где оборонялись капитан Звягин с его бойцами. Собираем с ним его офицеров, говорю ему: «Надо людей отсюда уводить!». Бежим все по дороге, стреляем по гребню скалы, чтобы «духи» головы не подняли. Меня снайпер чуть не достал. Прислонился к скале – пуля рядом.

Начали раненых забирать, а машины на дороге горят, в пропасть их, чтобы не мешали, не спихнуть. Одну БМП я все же развернул, раненого тащу, а сверху стреляют по нам. БМП едет, и я иду рядом с раненым. Кое-как вылезли в безопасное место. Раненых загрузили, прикрытие оставил. Три машины вывел из десяти, да моих было четыре.

«Я БЫЛ ВЕСЬ В КРОВИ, КАК МЯСНИК...»

– Машины с ранеными отправил в расположение полка, а мы, оставшиеся, три километра, в бронежилетах, с автоматами бежим задом наперед, отстреливаемся. И я даже не устал, такое было напряжение. Ушли в безопасное место, загрузились в машины и к своим, на КП полка. Я был весь в крови, как мясник. Своя кровь бежит немножко, да кровь от раненых, когда их таскал. Командир полка меня увидел: «Ты что ранен?» – «Нет, все нормально, это чужая кровь». – «Всех вывел?» – Всех, но убитые остались, не смогли взять. Сколько – не знаю.

Вызывают меня к генералу Булгакову. Докладываю, что вся дорога забита сгоревшей техникой, ее надо скидывать в пропасть, иначе не пройдем. – «Ночью будешь ее скидывать, – сказал мне Булгаков. – А завтра с утра пойдем. Мы нанесем авиаудар, артиллерией постреляем, и будет все тихо и спокойно». Я говорю: «Товарищ генерал, что-то мне все это не нравится». Стал с ним спорить, все у меня кипит. Короче – нас еле растащили...

Стали в штабе батальона подсчитывать потери, и вдруг выясняется: в полном составе пропало отделение. Ни убитыми их никто не видел, ни живых нет. Не знаю, что делать. Нервничает все, конечно. Уже темнеет, вижу – идут! Как я обрадовался! Командир отделения, контрактник, солдатиков ведет, всех, семь человек. У меня от души отлегло. Он докладывает, я переспрашиваю: «Ты как пропал-то?» – «Во время боя спрыгнули в Аргун, а потом по руслу вышли. Думал, что вы нас бросили» – «Как мы вас бросим?».

У меня была бутылка водки, я каждому из этих солдат налил по глотку, а то их трясло. – «Всё, отдыхать! Завтра в бой. Боеприпасы – пополнить».

Мы тоже с офицерами батальона сели, помянули убитых, подумали, что завтра будем делать. Капитана Звягина уже в вертушке увезли, я остался с начштаба и замполитом.

В Зонах тогда мы п... хорошей получили: у меня семь БМП сожгли, плюс танк с трапами, плюс БТР саперов. Восемьдесят шесть человек убитых и раненых в батальоне было...

Александр Дрозд, командир 4-й мотострелковой роты, старший лейтенант:

– Тогда командир полка полковник Морозов, как я понял, держал нашу роту в резерве, в бой не послал. Хотя я его об этом два раза просил. Наверное, потому, что ущелье – узкое место, развернуться негде. Наши подразделения и так там были, как тараканы в банке. В тактическом плане перевес был на стороне противника. Из ущелья – места боя – то и дело шли перевязанные бинтами бойцы. Морально мы были готовы идти в бой. Рота в полной готовности находилась возле НП, где боем управляли полковник Морозов и генерал Булгаков. Спустя некоторое время подключились установки «Град» и все было кончено...

«ПОД РАССТРЕЛ ПО КЛАССИЧЕСКОЙ СХЕМЕ...»

Вадим Лященко, начальник связи полка, майор:

– На Шатой сначала пошли так, как ребята описывают: в лоб по дороге...

У полковника Морозова был план пройти по горам на гусеницах, а потом подтянуть колёса. Но почему-то генерал Булгаков дал команду идти по дороге, что и привело к потерям. Потом говорили, что это был отвлекающий маневр. По-моему – враньё. И только на третий день Булгаков соглашается с Морозовым, и мы пошли по горам.

А тогда колонна попала под расстрел по классической схеме: первая машина, последняя машина... И обездвиженную колонну начали расстреливать...

Связь была до тех пор, пока ребята были на броне. Как спешились и перешли на переносные радиостанции, то, естественно, мощности стало не хватать, и связь пропала – горы!

Я тогда принял решение выехать вдоль Аргуна на КШМ по противоположному берегу и встать напротив места, где застряла колонна. Доложил командиру полка, получил «добро», оставил за себя сменщика Сергея Досягаева и погнал. Не доехал немного, чтобы быть напротив. Начали стрелять по мне, но связь появилась, стал слышать ребят и ретранслировать на КП...

Помню, боец выходил на связь, позывной «Лопата», это машина сапёров ИМР на базе танка... Он долго говорил с брони, потом вылез под машину и продолжал держать связь с командиром полка. Только когда «духи» с горы спустились и начали ребят добивать, он в реку прыгнул. Потом он до нас добрался и с собой раненого авианаводчика притащил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.